

Порфирий Юшкин-Котлобанский

СБОРНИК СТИХОТВОРЕНИЙ

«ЛУЧ»

КНИГА ПЕРВАЯ

1954

Перфирий Юшкин-Котлобанский

СБОРНИК СТИХОТВОРЕНИЙ

«ЛУЧ»

КНИГА ПЕРВАЯ

О, сколько их в дни смуты страшной,
в дни невзгоды
В борьбе с врагом святых знамен
Легло костями в полях родных за гимн
свободы,
За честь и правду всех времен!

1 9 5 4

Все права сохраняются за автором
Copyright 1954 by author

Склад издания: Книжный склад «А - Т - В», Мюнхен
Verlagsbuchhandlung «А - Т - В», München 22, Liebigstr. 16

ДВА ЗНАКА — КОРНИЛОВСКИЙ и СТЕПНОЙ,

на все времена запечатлели подвиг борьбы до конца, до самой смерти; подвиг во имя любви, во имя правды общерусской и правды общечеловеческой.

Степной и Корниловский — два похода людей, ставивших благо РОДИНЫ и ОБЩЕЕ БЛАГО НАРОДА выше своей личной жизни. Из двух этих легендарных походов выросло все противобольшевистское БЕЛОЕ ДВИЖЕНИЕ.

Степной поход и Корниловский ледяной — два неугаемые маяка, постоянно напоминающие человечеству, как надо бороться со всемирным злом богоборческого и античеловеческого коммунизма и большевизма.

Знак I-го Кубанского похода
9/22 II. — 30 IV/13 V.
1918

Знак Степного похода
12/25 II. — 5/18 V.
1918

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Сознание долга перед поработанной большевиками РОДИНОЙ и страждущим братом побуждает меня к изданию первой книги сборника стихотворений «ЛУЧ».

«ЛУЧ» бросает свет на трагические годы вооруженной борьбы КАЗАЧЕСТВА и его соратников, в лице ЛУЧШИХ РУССКИХ ЛЮДЕЙ, с безбожным большевизмом и позволяет ближе присмотреться к величественной картине под'ема человеческого духа, ставшего на путь непримиримой борьбы со всемирным злом коммунистической диктатуры.

«ЛУЧ» освещает до некоторой степени и духовный лик КАЗАЧЕСТВА, которое все, «от мала до велика» поднялось и стало на защиту ОТЧИЗНЫ, ПОРЯДКА, ВЕРЫ и СВОБОДЫ.

В этой титанической борьбе с темными силами большевизма КАЗАЧЕСТВО из всего состава населения бывшей России понесло самые большие, самые тяжелые жертвы.

Перед картинами этой борьбы, связанной с яркими подвигами и неописуемыми страданиями, бледнеет всякое человеческое слово; и разве только перо Гомера было бы в силах описать тяжкий путь, пройденный КАЗАЧЕСТВОМ совместно с ДОБРОВОЛЬЧЕСКОЙ АРМИЕЙ.

Но ни борьба, ни тяжесть жертв, ни страдания, ничто не могло поколебать твердый дух борцов за правое дело. Этот дух—дух веры и готовности принести всякие жертвы во имя одоления большевистского зла, никогда не угасал в сердцах казачьих и в сердцах офицеров и солдат ДОБРОВОЛЬЧЕСКОЙ АРМИИ. Им сильно КАЗАЧЕСТВО, им прославили себя добровольцы.

Казачья и добровольческая непримиримость к большевизму разделяется ныне не только самыми широкими кругами русской эмиграции, старой и новой, но и всеми народами, ставшими жертвами большевистского обмана и вероломства. Эта казачья и добровольческая непримиримость к

большевизму на наших глазах становится достоянием всего мира. И это обстоятельство красноречивее всего говорит о том, что борьба КАЗАЧЕСВА и ДОБРОВОЛЬЧЕСКИХ СИЛ с большевизмом была борьбою за весь мир и во имя мира во всем мире.

Пусть сборник «ЛУЧ» послужит венком славы на могилы воинов, павших в неравной борьбе с сатанизмом большевистской и коммунистической тирании; венком скорби на могилы замученных в большевистских застенках и самую советской жизнью.

Число героев-воинов, павших в борьбе с коммунизмом и число замученных большевиками поистине велико. Оно не поддается никакому учету, и известно только Самому Господу Богу.

Сборник «ЛУЧ» родился из настроений, чувств и переживаний тех, кто не только отверг большевизм и коммунизм, как безусловное зло, как страшный бич человечества, но и вступил с этим злом в бескомпромиссную борьбу; для кого ВЕРА, ОТЕЧЕСТВО, СВОБОДА и ПРАВДА не были пустыми словами, а наивысшими ценностями, т.е. такими ценностями, ради которых люди идут на великие жертвы, страдания и самую смерть.

Сборник «ЛУЧ» посвящается сынам славного КАЗАЧЕСТВА и всем РУССКИМ ЛЮДЯМ, вступившим на путь непримиримой борьбы с большевизмом во имя РОДИНЫ, ПРАВДЫ БОЖЬЕЙ и ПРАВДЫ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ.

Порфирий Юшкин-Котлобанский.

P R E F A C E.

The sense of duty to the Bolshevik-enslaved Fatherland and to suffering brethren compels me to publish the first book of the collection of poems — the "Ray".

The "Ray" throws light upon the tragic years of struggle fought by the Cossacks and their companions-in-arms, who represent the best element of the Russian people, against the godless Bolsheviks, and permits a closer view of the majestic picture of the uplift of the human spirit that stands upon the path of the irreconcilable struggle against the universal evil of Communist dictatorship.

The "Ray" also throws light upon the spiritual countenance of Cossacks, all of whom — from the least to the greatest — have risen to the defense of the Fatherland, the Order, the Faith and the Freedom.

In this struggle with the dark forces of Bolshevism, the Cossacks have borne the greatest, the heaviest sacrifices of all the people of the former Russia.

Confronted with the picture of this struggle, full of striking deeds and indescribable sufferings, all words fade into insignificance, the pen of Homer alone would have been capable of describing the bitter path trodden by the Cossacks, fighting side by side with the Volunteer Army.

This irreconcilability of the Cossacks and of the Volunteer Army to Bolshevism is now shared not only in the wide circles of Russian emigrants — both new and old, but also by all the people who became the victims of the Bolshevik treachery. This irreconcilability of the Cossacks and of the Volunteer Army with the Bolshevism is becoming before our very eyes the heritage of the entire world.

Circumstances speak most eloquently of the struggle of the Cossacks and of the Volunteer Army against Bolshevism. This struggle has been fought for the salvation of the entire world from the impending, fearful disaster of Communism.

Let the collection of poems the "Ray" be the wreath of glory laid upon the graves of the unknown soldiers and of their leaders fallen in the unequal battle with Communist tyranny — a wreath of grief upon the graves of those who were put to death in Bolshevik torture chambers.

The number of these heroes and martyrs is indeed great! It is countless and it is known to God alone.

The "Ray" was born out of the moods, emotions and experiences of those who not only rejected Bolshevism and Communism as an absolute evil, as a fearful scourge of mankind, but have entered into an uncompromising struggle with the evil — those to whom the Faith, the Fatherland and Freedom are not empty words, but are of the highest value, for the sake of which men are ready to suffer great sacrifices, tortures and death.

The "Ray" is dedicated to the sons of the glorious Cossacks and of all the Russian people who have entered the path of irreconcilable struggle with Bolshevism in the name of Fatherland and for Divine as well as human truth.

Porfiry Jushkin-Kotlobansky

V O R W O R T.

Mein Entschluß, den ersten Gedichtsband „Der Strahl“ zu veröffentlichen, ist aus dem tiefsten Pflichtgefühl gegenüber der von den Roten Machthabern unterjochten Heimat und den dort leidenden Brüdern geboren.

„Der Strahl“ wirft sein Licht auf die tragischen Jahre des bewaffneten Kampfes der Kosaken und ihrer Weißen Waffengenossen — der besten unter den russischen Männern — gegen die rote Gewalt des Bolschewismus. Er gibt Stimmungen, Gefühle und Erlebnisse der Menschen wieder, die den Bolschewismus nicht nur als absolutes Übel erkannten, sondern sich auch für die unerbittliche Bekämpfung dieses Übels entschlossen haben; der Menschen, für die Glaube, Heimat, Freiheit und Recht nicht als Fassaden der abgebrannten Begriffe stehen, sondern als Werte leuchten, die mit Opfern, Leid und selbst mit dem Tod nicht zu hoch zu bezahlen sind.

Heute ist der Kampf gegen den Bolschewismus zum Credo nicht nur der breiten Kreise der russischen Vor- und Nachkriegsemigration geworden, sondern aller Völker, die ein Opfer des Betrugers und der Hinterlist sind. Wir sind Augenzeugen der erfreulichen Tatsache, daß die vor Jahrzehnten von einem Heldencorps aufgestellten Grundsätze zum geistigen Eigentum der ganzen freiheitliebenden Welt geworden sind. Das ist ein Beweis, daß der Weiße Kampf kein örtliches Geschehen, sondern ein Kampf für die ganze Welt und für den Frieden in der ganzen Welt ist.

Die Zahl der Helden, gefallen im aktiven oder passiven Kampf, die Zahl der Opfer der bolschewistischen Grausamkeit und Tücke ist derart erschreckend hoch, daß nur der Allwissende Gott sie aufzuzählen vermag.

Vergeblich würde man versuchen die leuchtenden Heldentaten und das unsagbare Leid dieses Kampfes zu schildern und die Tragik dieses Ringens in Worte zu kleiden. Die Darstellung wird nie das mitteilbare Geschehen vollständig decken, und alles Bemühen um Ausdruck wird das Unvermögen bekunden, vom grandiosen Epos des Weißen Kampfes Zeugnis abzulegen.

Es waren die Kosaken, die prozentual die größten und die schwersten Opfer von der ganzen Bevölkerung Rußlands in dem Kampf gegen die satanische Rot-Gewalt gebracht haben. Die Kosaken entschlossen sich, die Weltgeißel des Roten Diktats bis zum letzten Atemzug zu bekämpfen, und erhoben sich wie ein Man, „vom Kinde bis zum Greis“, zur Verteidigung der Heimat, der Ordnung, des Glaubens und der Freiheit. Weder die Verluste, noch das Leid, konnten die Entschlossenheit der Ritter der Gerechten Sache ins Schwanken bringen.

Diese Entschlossenheit ist die Kraft des Kosaken, der Ruhm des Weiß-Soldaten und die Ehre der Söhne Rußlands.

Diesen Helden, die im Kampf gegen den Feind stehen oder fallen, ist „Der Strahl“ gewidmet. In Tiefster Ergriffenheit legen wir ihn als Ehrenkranz auf das Grab des Gefallenen, und als Dornenkranz auf das Grab des Opfers der Folterkammer und auch des Opfers der tödenden Hoffnungslosigkeit des Lebens unter dem Regime der Roten Tyrannei.

Porfiry Juschkin-Kotlobansky

ЭХ ТЫ, ДОЛЮШКА КАЗАЧЬЯ!

Эх ты, долюшка казачья!
Не с времен ли Ермака
Ты, как лодочка рыбацья,
В бурю носишь казака
Над пучиною мирскою
По гребням шумящих волн?!
Брызги светят бирюзою
И летят на Тихий Дон:
Ярку радугу сплетают
В синем кружеве небес,
Быль казачью претворяют
В жемчуг сказок и чудес.

Соберите сказки эти
В книгу правды золотой!
Пусть узнают ваши дети
О красе земли родной!
Пусть услышат ваши внуки
Из времен минувших лет
Старобылых песен звуки,
Что певал седой их дед
Про отцов, как дружно жили,
Веря в правду вечных дней;
Как в поход они ходили,
Как садились на коней,
Думы, горе поразвезть
В чистом поле зеленом;
Крепку силушку померить
В молодечестве лихом...

Но пришла пора иная,
Время воли темных сил.
Помутилась Русь Святая
И брат брату нож вонзил.
Запустели Божьи храмы.
Воры вышли из тюрьмы.
Господами стали хамы,
А вождями духи тьмы.

Пир безумия справляет
Враг над жертвой роковой;
Орды на Дон посылает,
В земли воли вековой.
— Ненавистны нам кадеты!
Нам не нужен Каледин!
К чорту прежние обеты!
К чорту всякий господин!
С давней вольностью казацкой
Меч и кровь решат наш спор!...
Так вопил вандалов хор
С дикой яростью кабацкой...

Быстро движутся колонны
В земли вольности седой.
Хлещут в степи красны волны
Пеной злобы и бедой...

После кратких дней раздумья
И паденья под уклон
Осудил злой пир безумья
Православный Тихий Дон.
Дух вскипел казачий гневом,
Словно грозный ураган.
Под ударом буйно смелым
Дрогнул вражий темный стан.
В бегстве жутком, бегстве диком
Враг спасенья ищет сил.
Гнев казачий с громким гиком,
Словно плевел зло косил...
Тупы шашки боевые.
Поуняли кони бег.
На поля, луга родные
Падал первый зимний снег.
Степь покоила на воле
В вечном сне героев битв.
Пели ветры на просторе
Гимн божественных молитв...

Отыщите ж были эти
В вольных розсыпях времен!
Пусть гордятся ваши дети
Славой дедовских знамен!

ЕЩЕ ДЛИННА МОЯ ДОРОГА.

Еще длинна моя дорога.
Ветшает лик моих одежд.
Дойду ль до отчего порога?
И сбудется ль полет надежд —
Припасть к земле страны родимой,
Как в детстве матери на грудь?
Поведать ей, моей любимой,
Одной лишь ей, про тяжкий путь.
Сказать ей бесконечно много
О годах жертвенной борьбы
За утверждение прав былого;
Сказать о чем неслись мольбы,
Как фимиам благоуханный,
К престолу Бога в небеса . . .
Я верю, день придет желанный,
Как верю в Божьи чудеса!
Пошлет стране Бог возрождение,
Победный час, добро и свет!
Прочь, тень кошмара и сомненья!
Да сгинет мрак советских лет!

ЯРКИ ЗВЕЗДЫ НАД ЗЕМЛЕЮ.

Ярки звезды над землею.
Ясный месяц высоко.
Друга нет теперь со мною,
Он в походе далеко.
Я его опять увижу,
Ощущу об'ятя рук.
Голос милый я услышу,
Позабуду время мук.
В платье белом подвенечном
Я поеду в храм святой,
Дам обет пред Богом вечным,
Стану верною женой . . .
. . . Уж не раз играли воды
В вешних солнечных лучах.
Промелькнули с ними годы
В ожиданьи и мечтах.

Как то летнею порою,
В час полуночной тиши,
Робко шепчут над рекою
Красноталу камыши:

— Слышишь ли? С далека моря
Мчится ветерок сюда.
Сколько слез и сколько горя
Людам припасла судьба!

Ветерок спешит проведать
Не полынь и не ковыль.
Степи хочет он поведать
Страшну правду, грозну быль.

— Да, уж слышу. С ветром вместе
Весть несется с далека:
Не видать красе-невесте
Ясных взоров казака!

На земле, людьми изрытой,
Возле шашки боевой
Пылью он лежит покрытый
Под большой крутой горой.

Тяжко жаркое дыханье.
Сердце тает от огня.
Тихо жалобное ржанье
Друга верного — коня.

Нет границ донца страдающю.
Не себя жалеет он.
Не потухшему сознанью
Страстно хочется на Дон.

Шепчет он: «Моя станица,
Хутор наш ты Березной,
Нежно-ласкава девица,
Не видаться мне с тобой!

Жребий пал другой на долю.
Славный рок мне Бог судил:
Жизнь отдать за нашу волю,
Грудью стать за честь могил!

Вспомни всадника лихого,
Вспомни всю его любовь!
За-муж выйди за другого,
Будь счастливой в жизни вновь!...

Мой единственный братишка!
Ты не должен горевать.
Ты теперь большой парнишка,
Мне о том писала мать.

Чти родителей и деда!
Старших всех ты уважай!
Будь приятелем соседа!
Никого не обижай!...

Ты, мамуленька родная,
Слез не лей в ночной тиши!
Свечку чаще, золотая,
Ставь в помин моей души!...

Друг — отец, герой Кавказа!
Ты не никни головой:
Мной паша пленен два раза
С громкой славой боевой.

Грозен был я мусульманам.
Первый в бой всегда ходил.
Главы многим басурманам
Шашкой острою сразил.

Сам я умираю тоже.
Муки страшные терплю,
Дон!... Храни его, о Боже,
В час последний я молю.

Дон родимый! Степь! Станицы!
Больше не увижу... ох!!!»
Из кустов вспорхнули птицы;
Их испугнул последний вздох.

— Так отдал казак жизнь Богу;
Стих и навсегда умолк.
Вышли звери на дорогу,
Трус-шакал и жадный волк.

— Из своих убежищ, скрытых
В скалах диких вечных гор
Подстеречь в боях убитых
Звери вышли на простор.

По долине льется рокот
С гор стремящейся реки.
Слышен также конский топот —
Это мчатся казаки.

Тело мертвое подняли
 Брата верного донцы,
 И с ним дальше поскакали
 Степи вольной удалцы . . .

. . . Долго за-полночь продлился
 Этот вещий разговор.
 Скорбной Дон волной катился,
 Слыша рока приговор.

* * *

Долгих годов вереницы
 Пролетели чередой,
 Как летят весною птицы
 Над седой морской волной.

Унеслося с ними много
 Ранних снов и робких грез
 В царство вечных тайн былого,
 В мир тоски и горьких слез.

Но бессильно было время
 Погасить надежды луч,
 Хоть и тяжело жизни бремя,
 Хоть и много темных туч.

Верю в скорый миг рожденья
 Счастья светлых новых дней!
 Верю в радость воскресенья
 Славной родины моей!

ТРУДЕН НАШ ИЗГНАНЬЯ ПУТЬ.

Труден наш изгнанья путь!
 Горы круты перед нами.
 Хот немного б отдохнуть
 Под терновыми кустами.

Не для наших душ покой
 Под холодным чуждым небом!
 Мы живем своей мечтой
 И довольны черствым хлебом.

Буря нас сечет дождем.
Ветер рвет на нас одежды.
Но до цели мы дойдем,
Не растратим свет надежды!

Смело мы идем вперед
С новой силой упования!
Длинен лет борьбы черед!
Нам не страшен путь страдания!

Скорбный лик земли родной
Отзовется вдруг приветом.
Вновь блеснет порыв святой
В сердце, ласкою согретом,

До конца последних дней
Послужить народу верно.
Как велико, как безмерно
Бремя родины моей!

МНОГО-МНОГО ЛЕТ В ЧУЖБИНЕ...

Много-много лет в чужбине
Одиноко я брожу;
И от первых дней до ныне
Образ в сердце я ношу,
Образ несказанно милый,
Материнский лик родной.
Скорбь закончена ль могилой
Этой женщины святой?!

Иль влачит она бездолье
Подсоветской нищеты,
Вспоминая дни приволья
Да увядшие мечты?

Муки страшных испытаний
Ей ниспосланы судьбой;
Годы трепетных терзаний
О захваченных борьбой
С черным духом сатанизма.
Он владеть землей решил,
И дурманом большевизма
Людам головы вскружил . . .

Время жуткое настало,
Лет кошмарных торжество.
С преступленья удержь спала,
Правдой стало шельмовство.
Тьма покинула берлоги,
С злобы пали кандалы,
Месть залила все дороги,
Хамом правились балы
Всюду — в избах и палатах
На костях, крови людей . . .

Но тогда не рыцарь в латах
На защиту встал идей,
Черни вверженных под ноги
С поруганьем и хулой . . .
Бросил школьные пороги
Молодежи мир простой.
Отложил наук скрижали
Дона юный реалист;
С ним к винтовке побежали
И студент и гимназист.

Стройно движутся отряды
Рати смелых партизан
К месту, где ревут снаряды,
Где разбросан вражий стан . . .
. . . Часто виден за станицей
Женский стройный силуэт.
Это мать с летящей птицей
Шлет сынам своим привет.
Даль родных полей безбрежных
Увела ее детей.
Рой тревожных мыслей нежных
Не дает покоя ей.

С вышки старого кургана
В даль несется сердца взор,
Позабыв, как великана
Прославляет пташек хор . . .
Там, за гранью горизонта,
Брошен жребий роковой
О судьбе донского фронта,
О судьбе земли родной.

Там за честь казачью бьются
Юные ее сыны,
Гимны храбрости поются,
Умирают без вины.

Сердце матери томится
Жутким страхом и тоской...
Медленно слеза катится
Крупной каплей дождевой...

Нет, не счесть души усталой
Слез горячих и молитв
О погибших с честью, славой,
О героях жарких битв...

Ах, как тяжело испытанье
Бедной матери моей!
Лик ее, как изваянье,
Я храню в душе своей.

ЭХ, ЧУЖБИНА, ТЫ ЧУЖБИНА!

Эх, чужбина, ты чужбина!
Ждешь ли ты к себе гонцов?
Шлет их русская равнина
С четырех своих концов:
И от северных сияний,
И от южных черных вод,
Звезд восточных, их мерцаний
И от западных ворот.

С вестью страшной, небывалой
Все спешат к тебе они.
След покрыт их кровью алой,
Горестны путей их дни...

Но у всех ли хватит силы
До твоих земель дойти?
Многих ждет уж мрак могилы,
Многим счастья не найти...

Да и встретишь ли с участием
Тех, что весть тебе несут?
Или ж будешь над несчастьем
Ты творить расправы суд?

Иль со спесью горделивой
Ты посмотришь на бродяг,
Что с улыбкой молчаливой
Носят в сердце правды стяг?

Может быть протянешь руки
Красным зверям-палачам,
Чтоб предать на тяжки муки,
Кто не люб твоим очам?...

Чувства вечного укора
И обманутых надежд,
Пятен страшного позора
Нет, не смыть с твоих одежд!

Жгучей язвою проклятье
На главу твою падет!
За невинных, их распятье
Бог отмщение пошлет!

ВСЕМ СВОБОДА!

Половодием катилась
Гряда русских лет крутых.
Чванство с глупостью роднилось,
Быль с мечтою душ простых.

Темной тенью змеевидной
За Российской бедой
Шла с улыбкою ехидной
Революция с косою...

Быстро черный год проклятья
Год подземных бурь пришел.
Он к горе самораспятья
Русь мятежную подвел.

Потрясенный венценосец
Пред бедою кротко встал:
Он не знал, как «богоносец»
Низко-низко сердцем пал.

Верил царь в судьбу народа,
В яркую его звезду,
И под крики: «Всею свобода»
С русской тройки снял узду.

Смута страшная настала
На земле Руси Святой...
Ложь на истину возсталла
И попрали все пятой...

Наступило исполненье
Многих давних вещей слов,—
Правды Божьей поношенье,
Лучших чаяний отцов...

В царстве хищников и блата
Голод, кровь, растленья пир,
Брат боится даже брата,
Позабыт покой и мир...

Слезы, кровь нужны в награду,
Власти преисподней тьмы,
Чтоб добру создать преграду,
Чтоб из бед не вышли мы.

Но настанет день желанный!
Правды торжество придет!
Будет сметен враг коварный!
Рабства цепь с людей спадет!

ШИРОК ПРЕД НАМИ ВОДНЫЙ ПУТЬ.

Широк пред нами водный путь!
Затих могучий океан;
Слегка колышет мощну грудь:
Покоя хочет великан.

Его неизмеримый щит,
Как в сказке дивной, неземной,
На солнце искрится, горит
И мысль уносит в мир иной.

Повсюду Всемогущий Лик
Явил Божественный свой взор.
Как бесконечен и велик
Вселенной хранины простор!...

В эфирной легкости небес
И вспышках солнечных лучей

Есть сила Божиих чудес
И святость ангельских очей!...

Хочу, чтоб мира красота
Всегда жила в душе моей
И горних взлетов чистота
Манила прелестью своей!

Хочу, чтоб несказанный свет
Любви Божественной живой
Встречал в душе всегда привет
Предвечной радости святой!

РОДИМЫЙ КРАЙ СТЕПНОЙ.

Родимый край степной!
Сторонушка бездольная!
Как мил мне образ твой,
Краса и ширь привольная!

От ранних юных лет
До лет почтенной седины
Ношу в душе обет
Беречь завет моей страны.

В скрижалях золотых
Написан он рукой времен
При страдах боевых
Под сенью вековых знамен.

Бессмертной правды луч
В нем ярко-ярко отражен,
И мрак холодных туч
Теплом и светом озарен.

Страна родимая
Прославленных богатырей,
Как мать любимая,
Живет всегда в душе моей.

СОЛНЦЕ ТАК НИГДЕ НЕ ГРЕЕТ.

Солнце так нигде не греет,
Как в стране моей родной!

Ветер так нигде не веет,
Как над степию донской!

Песня так нигде не льется
Серебристою волной!
Сердце так нигде не бьется
Нежным чувством и тоской!

Голубое небо летом
Долгим взором не достать!
Светится оно приветом,
Словно ласковая мать.

Не увижу в целом мире
Балок, трав, таких кустов,
Разливающих в эфире
Нежный запах их цветов!

Не увижу резвый трепет
Жаворонка в небесах!
Не услышу птичий щебет
В ярких солнечных лучах!...

Степь ковер необозримый
Распростерла до морей;
Лаской всех дарит незримой,
Бедных нищих и царей.

Нет земли на свете лучше,
Чем былинный Тихий Дон!
Там орлы парят над тучей,
Там небесный слышен звон!

ЭХ, НАБРАТЬСЯ Б СНОВА СИЛЫ!

— Эх ты, молодец удалый,
Богатырь степных равнин!
Чтож не носишь цвет свой алый,
Не поешь донских былин?

Аль беда тебя схватила
Жесткою своей рукой?
Иль девица разлюбила
С длинной русою косой?

Или ж конь твой златогривый
Был сражен шальным свинцом?
Либо недруг горделивый
Пир справляет за Донцом?

Шашка-ли из крепкой стали
Выбита врагом из рук?
Аль друзья в бою все пали,
Рано умерли от мук?

— О коне я не горюю,
И девицы мне не жаль!
Об одном лишь я тоскую,
Что не жил я раньше, встарь...

Дон тогда не был в полоне;
Рабства никогда не знал!
Резвы были степи кони,
Крепок был защиты вал!

А теперь Дон помутился,
Сильно, сильно захмелел;
Яда красного напился,
Сердцем, мыслью захирел...

Враг теперь поля родные
Топчет грязною пятой,
Травы губит он степные,
Оскверняет храм святой!...

Эх! Набраться б снова силы,
Да врагом тряхнуть, как встарь!
Крикнуть громко: «Дон наш милый!
Снова ты свободы царь!»

М Е Ч Т Ы.

Если б с гучкой серебристой
Мне умчаться в край родной,
Где несется Терек быстрым,
Пенясь шумною волной.

Где аулы и станицы
Разбросали свой узор;
Кони где быстрее птицы,
Где у дев манящий взор.

Узы дружбы там священны;
Их куначеством зовут,
И радушью неизменно
Песнь хвалебную поют.
В жизни любят лишь однажды;
Верность есть завет святой;
Честь беречь там должен каждый;
Месть для всех закон родной.
Горы цепи вековые
Там простерли высоко,
А их шапки снеговые
С моря видны далеко.
Там ущелья черной бездной
Жутко путника манят;
Ночи темной, ночи звездной
Что-то тихо говорят.
Там орлы с подзвездной тучей
Дружбу тесную ведут.
Клекот царственный, могучий
Гордо горам с неба шлют.
Море синюю водою
Златокудрый манит лес,
И любитесь звездой,
Ночью спавшею с небес...
Как бы с тучкою пушистой
Мне умчаться в древний рай?!
С ветром мягким и душистым
Лобызать родной мой край!...

ДУБРАВУШКА.

(Посвящаю дочери своей Татьяне).

Что дубравушка степная
Так печально все шумит?
Что казачка молодая
Долго по ночам не спит?
От того шумит дубрава
Грустно так своей листвою,
Что распята Дона слава
Темной пошлою голпой.
Всю красу казачьей степи
Скрыл безвременья бурьян.
Дон закован в тяжкие цепи,
Враг от зверств безумных пьян.

Дух коварства и ехидства,
Бездны темной гнусный князь,
С чувством злобы и безстыдства
Топчет все святое в грязь...

В чистом поле увядая
Лес-дубравушка шумит;
Там казачка молодая
Одиношенько стоит.

Стан ее, как изваянье,
В неподвижности застыл!
В свете лунного сиянья
Грациозно-нежен, мил.

С беспредельною тоскою
Девы взор уходит в даль,
И горячею слезою
Тушит скорбь свою печаль.

Тяжко-тяжко испытанье
Выпало на долю ей.
Грудь на части рвет терзанье,
Страх за близких ей людей.

Все они во имя долга
Бросили порог родной;
В бой пошли туда, где Волга
Плещет мутною волной...

Не четыре только года
Промелькнули с той поры,
Как у темного народа
Честь похитили воры.

С той поры на путь-дорогу
Дева ходит по ночам.
Там возносит думы к Богу,
Скорбь к Его святым очам...

В чистом поле увядая
Лес-дубравушка стоит.
Там казачка молодая
В степь широкую глядит...

С неба смотрит месяц ясный
На ее тоску-печаль,
Освещая лик прекрасный
И степей уснувших даль.

СЕДОВЛАСЫЙ СТАРИЧОК.

— Уж не будут больше розы
Пахнуть утром на рассвете,
За окном шуметь березы,
Как в последнем ярком лете.

Соловья не будут трели
Виться в воздухе каскадом;
И не будет на свирели
Пастушок играть за садом.

Хутора и их станицы
Позабудут хороводы,
Что весной ведут девицы,
Славя дни своей свободы.

Как умолкнет грохот битвы,
Страшный гром из жерл чугунных,
Оскудеет дом молитвы
В землях рыцарей зипунных.

Онемеет медь литая
Колоколенек станичных,
И их лесенка витая
Станет домом тварей хищных.

Не услышим больше песен
Молодежи над рекою,
Казакам Дон станет тесен
И родная степь тюрьмою —

Пел так с острою тоскою
Седовласый старичок,
И со звучною струною
Помогал ему смычок.

Молчаливою толпою
Круг теснился казачат.
Чистой горькою слезою
Оросился лик девчат.

Затихал аккорд могучий.
Падал нежно скорби звук.
Таял в воздухе за тучей,
Как предвестник общих мук.

Вдруг старик потрянул главою,
Ожил взором, как орел,
И уверенной рукою
По струнам смычок провел:

Загремел могуче, бодро
 Стих надежды, стих побед.
 В сердце отклик: «Будет ведро!
 Дон избавится от бед!»...

В ЛЕГКОЙ ДЫМКЕ СЕРОГО ТУМАНА...

— Ах, зачем, мамаша дорогая,
 Смотришь так тревожно в даль?
 Ах, зачем, зачем, моя родная,
 На лице твоём печаль?!

Посмотри-ка лучше: вон за горкой,
 Что зовется меловой,
 Облачко играет с ясной зорькой,
 С ранней пташкой полевой!

С бесконечно радостным сияньем
 Степь шлет солнцу свой привет!
 Травы с тихим, нежным ликованьем
 Славят утренний рассвет!

Все кругом сияет, блещет ярко
 Несказанной красотой!
 Сердце хочет трепетно и жарко
 Слиться с прелестью святой!

Из под сени каждого кусточка
 Песнь несется в небеса!
 Поле все, до малого цветочка,
 Славит Божьи чудеса!

Что же ты, родимая мамаша,
 Так печально смотришь в даль?
 На земле коротка ль радость наша?
 Жизнь прошедшую ль так жаль?

— Ох, вот чует, крепко чует сердце
 Бурю, страшную беду,
 Знает, как донца, кубанца, терца
 Ненавидит чернь в бреду.

Волны злобы буйно поднимает
 Север страшную грядой;
 Против Дона войско снаряжает
 С красной дьявольской звездой.

Сквозь завесу серого тумана
 Дней грядущих, дней больных
 Черный облик вижу истукана,
 Цепи кандалов стальных!...

— Полно! В первый раз ли мерить Дону
С злобой силушку свою?!

Смело отстранять с пути препону,
Честь отстаивать в бою?!

— Нет, нельзя понять тебе, сыночек,
В сердце скрытых горьких дум.
Сколько будет тех бессонных ночек,
Что тревожат часто ум?...

Про красу казачьей древней воли
Снова спой-ка лучше мне.
Крест казачьей тяжкой-тяжкой доли
Часто чудится во сне.

— Мы не знаем славы без дерзанья! —
Нежно голос запевал,
Мы не знаем счастья без страданья,
Что несет девятый вал!

Слава думам ярким и победным!
Честь усладе грез людских!
В жизни есть улыбки счастья бедным,
Нежный шопот волн морских!

И не нам ли свыше даны силы
Для борьбы с седою мглой?!
Разве страшны темные могилы
Тем, кто борется с бедой?!

Позабудем всю свою тревогу,
И усталость от борьбы!
Жизнь свою доверим смело Богу,
Не страшась злой судьбы! —

Так лилась молитвою священной
Песнь над степию родной.
Чувство крепкой веры неизменной
В ней боролось с тоской.

В ней созвучьем сладким и чудесным
Голоса сердец слились;
Под широким куполом небесным
Честь беречь они клялись.

БЕЗ ТЕБЯ НЕ ЖДУ ОТ ЖИЗНИ
РАДОСТЬ.

Западало солнце за горою.
Угасал день в летней тишине.

Раздавалась песня за рекою,
В поднебесной тая вышине.
Нежно женский голос одинокий
Чистым колокольчиком звенел:
— Ты вернись, мой сокол ясноокий,
Без тебя жить горестный удел.
Красота твоя меня пленила.
Позабыла все на свете я,
Лучше пусть возьмет меня могила,
Чем одной быть вечно без тебя!
Без тебя не жду от жизни радость
И улыбки счастья не ловлю.
Лишь тебе готова верить младость,
Лишь тебя всем сердцем я люблю.
Ах, вернись, вернись мой ненаглядный,
Возвратися к девице своей!
Праздник встречи пышный и отрадный
С нами будет славить соловей!
Но казак не слышал зова девы,
Ни мольбы души ее молодой:
Гроб его под скорбные напевы
Опускали с шашкою стальной.

ПОЛЕ НАШЕ, ПОЛЕ.

Поле наше, поле,
Царственный простор!
Сколько шири, воли
Твой скрывает взор!

Красотою, силой
Веет от ланит
И улыбкой милой
Даль твоя манит.

Не на пир веселья,
Где течет вино,
Где угар похмелья
И паденья дно.

Но на подвиг славный,
Подвиг боевой,

И на путь отрадный
Правды вековой.

Награждаешь верность
И священный труд,
Но не терпишь леность,
Ненавидишь кнут.

Кто попать извечный
Вздумает завет,
Жизнью быстротечной
Даст за то ответ!

Вера, долг, свобода —
Твой святой закон!
Братство, честь народа
Защищает Дон!

ОДИНОКИЙ КРЕСТ.

На груди страны широкой,
У курганов вековых,
Крест сияет одинокий —
Символ мук и жертв святых.

Кто тем местом проезжает,
В страхе жутком крестит грудь,
Быль седая оживает,
Грозным станет долгий путь.

Сын свободы был изранен
На ковре цветов и трав:
Хищник степи — басурманин,
Развязал здесь дикий нрав.

Черной тенью, незаметно
Он подкрался к молодцу.
Улыбалась ночь приветно
Крепко спящему донцу.

— Вот теперь я нож точеный
Алой кровью напою!...
Не увидишь ты, крещеный,
Больше девицу свою!...

Ток внезапной жгучей боли...
Миг страданья на устах;

Но последней силой воли
 Враг достигнут был в кустах.
 Шашки взмах молниеносный
 В темноте ночной сверкнул,
 И свой взор победоносный
 Навсегда закрыл Абдул...
 ...Растворялася завеса
 Темной ночи в вышине.
 Улыбалась из за леса
 Зорька кроткой тишине.
 Степь, как дева синеока,
 Сладко нежилась в цветах.
 В муках тяжких одиноко
 Умирал казак в кустах.
 Место то всем страх вселяет,
 Кто там держит поздний путь,
 Быль седую воскрешает
 И тоской сжимает грудь.

СРЕДИ ПЕСКОВ СЫПУЧИХ.

(Посвящаю сыну своему Всеволоду)

Среди песков сыпучих
 Страны далекой и чужой
 Томился в муках жгучих
 Казак охваченный тоской.
 Гвоздями ран прибитый
 К земле, пылающей огнем,
 И кровью весь залитый
 Джигит беседовал с конем:
 — Ты прости, прощай, друг верный,
 Спутник подвигов и нег!
 Как любил я шаг твой мерный,
 Искрометный, резвый бег!
 Я не буду больше гладить
 Лебединой шеи шелк.
 На тебя другой уж сядет,
 Прибежишь когда ты в полк.
 А теперь беги, ретивый,
 Прямо-прямо на рассвет!
 Отнеси моей любимой
 Юной девице привет.

Не забудь, скажи голубке,
Что была моей мечтой,
Что в ее очах, улыбке
Луч был радости святой...

Скоро я расстанусь с миром,
Нежный сон о ней храня.
Образ милый был кумиром,
Дивной сказкой для меня!...

Пусть живет моя царица,
Не горюя обо мне.
Вспыхнет новая зарница,
Расцветет любовь к весне.

А меня песок сыпучий
Долго будет погребать,
Ветер вольный, ветер жгучий
Панихиды отпевать...

Ну беги, беги, ретивый,
На родимый тихий Дон!
Передай же, мой игривый,
Бедной матери поклон...

Не пугай ее напрасно
Жуткой правдой обо мне,
Умереть, скажи, не страшно
В битве жаркой на коне.

Службу нес всегда со славой;
А убит был наповал,
Полк когда шел смелой лавой
На защитный вражий вал...

Так беги, беги, друг верный,
В край родимый, край донской...
Тут махнул в тоске безмерной
Умирающий рукой...

Вскинул шею конь внезапно.
Умный глаз сверкнул слезой.
Конь помчался в край обратно,
Где камыш дружит с лозой.

На песке лежал простертый
Верный сын степей донских.
Был на нем мундир потертый
Цвета синих волн морских.

Вид его был строг, спокоен,
Как в парадный день в строю.

Был и в смерти славен воин
 И прекрасен, как в бою.
 Солнце яркое смотрело
 С бесконечной вышины
 На безжизненное тело,
 На величье тишины.

КРУГОМ ВСЕ БЕЛАЯ ПУСТЫНЯ.

Теперь оставь меня, приятель,
 Не трать своих напрасно сил!
 Меня зовет к себе Создатель,
 Его об этом я молил.

Ты должен силою дерзаний
 Разжать об'ятия снегов;
 Достичь заветных упований
 И тихих Дона берегов.

Неси седым степям раздолным
 Вот этот образ в вечный дар,
 И всем родным местам привольным
 Любви живой последний жар...

Кругом все белая стихия,
 И здесь останусь я один...
 Не страшно мне: со мной Мессия,
 Вселенной кроткий Властелин.

Земли нехоженой кусочек
 От стужи греет сердце мне;
 На ней расцвел степной цветок —
 Подарок первый мой жене.

Спеши, спеши, мой друг сердечный
 Беспечной юности моей!
 Пусть охранит Господь Предвечный
 Тебя десницею Своей!

... Над белоснежную пустыней
 Дрожали искры от зарниц.
 В руке с родной землей-святыней
 Потомок доблестных станиц
 Лежал в просторе серебристом.
 Величье смерти и покой,
 Победу веры над тоской
 Лик отражал прозрачно чистый.

О С Е Н Ь.

Осень молодая
На дворе стоит.
Сад мой увядая
Золотом сквозит.

Небо дышет негой
И теплом весны.
Не грозит нам снегом
Не тревожит сны.

Ветерок лениво
Бродит по кустам.
Что-то шепчет ива
Умершим цветам.

Поле серебристый
Распрядает шелк.
Гомон дружный, быстрый
Птиц давно умолк.

Миновали страды
Летних жарких дней.
Прелестью отрады
Веет от степей.

В сладкую дремоту
Погрузилась даль.
В сердце нет заботы,
Только, что-то жаль.

Не весны ль прошедшей
Невозвратных лет,
Младости ушедшей
Догоревший свет?

С Е Б Я М Ы О Б Р Е К Л И.

Чеканьте чище шаг,
Донские сотни партизан!
Пусть знает красный враг,
Что нам его не страшен стан!
Не страшен злобный крик
Хулы безумной и слепой!

Тот славен и велик,
Кто в час тревожный роковой
Восстал на орды зла;
Кто смело выступил вперед,
Когда лишь всюду мгла...
И в бездну катится народ!...
Обманутый народ!...
Он жертва гибельных страстей.
Но будет светлый год:
Народ поймет своих детей!
Поймет горенье душ
Борцов за правду, долг и честь!
Проснется в каждом муж,
Чтоб крест тяжелый с нами несть!
Так силы напряжем
Под звуки песни боевой!
Свободы свет зажжем
Во имя правды вековой!
Кто борется с бедой
Тому не страшно умирать.
За Русь, за Дон седой
Вперед бессмертной славы рать!
Себя мы обрекли.
Над нами пусть кружится смерть!
За честь родной земли
Падем иль сломим красных твердь!

НАС ЧЕРНЬ БЕЗУМНАЯ КЛЯНЕТ.

Мы дети воли вековой,
Извечных царственных свобод.
В дни смуты тяжкой, роковой
Идем на смерть за наш народ.
Нас чернь безумная клянет
И пеной злобною шипит
За наш орлиный смелый взлет,
За крепость веры, как гранит.
Ей страшен наш святой порыв
Разбить советчины туман,
Сияющих лучей прорыв
Во тьму, где душит всех аркан.

Но крылья правды не связать!
Не знает взмах ее преград!
Не страшна нам чекистов рать!
Их пыток зверских темный ад!
Мы дети вольности былой!
Стихия наша — ширь степей!
С отвагой смелой, удалой
Сорвем с народа гнет цепей!

ЧЕЙ ТЫ, МАЛЬЧИК ЧЕРНООКИЙ?

Чей ты мальчик черноокий,
В синем сюртуке?
Что лежишь здесь, одинокий,
С шашкою в руке?
Где друзья твои по битве?
Конь твой ретивой?
За тебя в ночной молитве
Кто горит тоской?
С чувством нежным кто вздыхает
Часто по тебе?
Вечерами кто гадает
О твоей судьбе? . . .
. . . Не узнает мать бедняжка,
Где ты пал в бою;
Боль от ран была как тяжка,
Смерть за степь свою.
Не услышит и рассказа
О твоих делах,
Что горят огнем алмаза,
Искрятся в волнах.
Их Господь хранит в скрижалях
Праведных небес.
Вспоминают о них дали
И дубовый лес . . .
Спи же, юноша прекрасный,
Сын земли донской.
Совершил ты в час опасный
Подвиг боевой . . .
Я вечернею порою,
Около берез,

Тело белое зарюю,
 С ним букет из роз.
 Холмик будет над могилой
 Да степной курган
 Вспоминать, как с красной силой
 Бился партизан.

БЛАГОСЛОВЕНИЕ.

Над тихой дремлющей страной
 Раздался громко бранный клич:
 «На Русь тевтон идет войной,
 Подняв железный грозно бич!
 Вставай святой Руси народ!
 Пришла пора оставить дом!
 Коварный враг уж у ворот,
 Готовит гибель и разгром!»
 Сигнал тревоги прогремел.
 Страна очнулась от дремот;
 Нарушить кто покой посмел,
 Тот мало знает наш народ!
 Сзывает Русь своих сынов
 На поле тяжких ратных битв.
 Исчезли грезы вешних снов.
 Ожил порыв святых молитв...
 — Прощай, прощай, родной сынок!
 Благословением тебе
 Пусть будет этот образок;
 Его храни ты при себе.
 Отец и прадед твой герой
 Прошли с ним славный жизни путь,
 И дед под Шипкою горой
 Крестом свою украсил грудь.
 А дядя твой, герой побед,
 Участник под Мукденом битв,
 Спасен и он от многих бед
 Священной силою молитв
 Пречистой Девы Пресвятой...
 За веру крепко, крепко стой!...
 Храни порог родной страны...
 И берегись соблазнов сатаны...

Лишь та победа дорога
И честь всегда приносит нам,
Что месть не знает для врага,
Что мир несет его сынам...

Разлуки горькой час настал,
Единый сын ушел в поход...
Огонь из жерл бросал металл,
А мать ждала из года в год...

...Перед распятием Христа
Стоит она в тиши ночной,
И бледные ее уста
С любовью чистой и святой
Взывают к Господу небес:
— За грех наказан свет войной!
За грех владеет людом бес,
И разум в плен взят сатаной.

Во лжи, обмане и во зле
Погряз несчастный, жалкий мир
И тонет в липкой серой мгле;
А кровь людскую пьет вампир.

Безумство правит всюду бал
На трупах, горе и слезах.
Покорный золота вассал
Сияет радостью в глазах...

Казачеству высокий жребий дан.
Борьба со злом его удел;
И, как былинный великан,
Оно свершило много дел!...

Явился новый вот Батый.
Попрать дерзает наш завет.
О, Боже правый и святой,
Избави нас от этих бед!

На Дон он шлет языков смесь
С огнем, мечом и местью к нам.
Безумна их пустая спесь
И ненависть к донским волнам...

Познают скоро орды тьмы
Казачьей острой шашки свист.
Ударом дружно-смелым мы
Дрожать заставим их, как лист!...

...Придет пора, оценит свет
Казачьей правды высоту,

Донских степей святой завет,
Их братской жизни красоту...

Но хватит-ли казачьих сил
Сломить врага несметну рать?
Каким еще числом могил
Судьба нас хочет покарать?!...

Души казачьей путь иной,
Иная доля и удел.
Не будет нашею виной
Вторгнется ль враг в родной предел.

Зальет пожаром хутора
И стоном женщин и детей.
Настанет страшная пора
Для тех, кто честен из людей...

— Не плачь, родная, не томись;
Не убивай себя тоской!
Казачья дума мчится в высь,
Хранится Божией рукой!

Волненье, радость на лице.
Слеза скатилась, как звезда:
Старушка видит на крыльце
Того, кто дорог был всегда.

— Да, это он, мой сын родной!—
Прошел внезапной мысли ток,
И мать дрожащею рукой
Спешит поправить свой платок.

— Сыночек, сын мой дорогой,
Встречая сына шепчет мать,—
Истосковалась... милый мой,
О, дай скорей тебя обнять!...

... Не долго радовалась мать,
Любуясь сыном молодым:
На Дон вторгалась злобы рать;
Навис над краем красный дым...

Мать наливала сыну чай.
— Пора коня уже седлать,
Винтовку, пику в руки брать,—
Сын бросил будто невзначай.

В борьбу с смертельным злом вступить
Нам честный жребий снова пал.

Все шире, ближе красный вал...
Пробил уж час. Пора спешить!...

Слова по сердцу пронеслись,
Как смерчь, как страшный ураган.
Старушки руки затряслись,
Упал из рук на пол стакан...

Затихла в горькой грусти мать,
Как перед бурей стебелек.
— Едва пришел, идешь опять...
Как век наш страшен, как жесток!...

— Забудь невзгоды, все забудь!
Зачем тужить и горевать!
Борьба со злом — наш честный путь!
А честным легче умирать! —

Так утешал сын мать — вдову;
Смеялся звонко, песни пел;
Не вешал смелую главу,
Легко смотрел на свой удел...

Любви старушке бросив взор,
Из куреня ушел казак...
Луна несла ночной дозор;
В полях шептался тихо мак.

— О, сын мой милый, мой сынок!...
Старушка бросилась к окну...
Опять оставил мать одну...
Смотри, храни же образок!...

Тебя хранил он много лет,
Как вольного орла гранит.
Избавит и теперь от бед,
От пуль и козней оградит!...

... Из звезд сплетала ночь узор
На синем пологие небес.
Луна свершала свой дозор.
Спала станица, спал и лес.

В светлице чистой, у окна,
С лицом изведавшим печаль,
Томилась скорбно мать одна
В тоске, унесшей душу в даль.

НАМ НЕ НАДО СЛАВЫ ГРОМКОЙ.

Разыгралась на востоке
Зорька красками огней.
В ярко-огненном потоке
Небо кажется бледней.

Тишина царит над степью,
Нежась утренней порой.
Партизаны редкой цепью
Притаились за горой.

Из морозной звонкой дали
Вдруг раздался страшный гром;
И гранаты серой стали
Тяжко рухнули на Дон.

Большевик громил свободу,
Землю воли вековой,
Обещая все народу —
Власть, богатство, рай земной...

Бушевала канонада,
Как свирепый ураган;
Степь покрылась дымом ада,
Горький сыпался туман.

Застучали пулеметы
Спешной, судоржной стрельбой:
Шли в атаку красных роты
Темной массой немой.

— Ну, дружины боевые!
Час настал! Вперед за мной!
Дрогнет враг, орлы степные,
Под щетиною стальной.

И под музыку снарядов,
Словно радуясь судьбой,
Раздалась песнь отрядов,
Смело двинувшихся в бой.

Песнь неслася, как молитва,
Как победы славной гимн.
Не страшна студентам битва,
Красный грозный исполн...

Как от молнии внезапной
Дрогнул движущийся вал.
Дух победы силы ратной
Орды красных разметал...

... Грохот битвы, шум сраженья
Умолкал в полях родных.
Красный враг искал спасенья
В бледных сумерках степных.
А из дали степи звонкой
Доносилась песнь побед:
— Нам не надо славы громкой,
Лишь бы Русь спасти от бед.
Лишь бы Дон дышал свободой
Давних дедовских времен,
Прославляя песней, одой
Честь казачью, честь знамен!

С НЕЙ РАССТАВАЛСЯ НА ВРЕМЯ.

Помню я пышные розы
Поздней весенней поры,
Горькие девичьи слезы,
Яркую зелень горы.
Чистые нежные очи
Грустью горят предо мной.
Светятся звезды той ночи
Вечной разлукой, тоской.
С ней расставался на время,
Веря, что встретимся вновь.
Муки тяжелое время
Сердце сжимало, жгло кровь...
Выстрелы красных отрядов
Стелятся гулом в степи.
Я, не теряя зарядов,
Жду наступленья в цепи.
Девичьи чистые взоры
Светятся лаской, мольбой...
Вот оторвались дозоры,
Сотня идет уже в бой.
Мерно шагаем по полю,
Четко печатая шаг.
Скоро сразимся за долю,
Скоро познает нас враг...
Вянут вчерашние розы.
Марш все быстрее и быстрее.
Месть нарастает за слезы
Наших невест, матерей!

Т Е Р З А Н Ь Е.

Ветер вольный быстрокрылый,
Спутник звезд, небесных туч!
Ты скажи, где сын мой милый,
Ты скорей скажи, не мучь!?

В год мятежный, год несчастый,
Что семнадцатым зовем,
Сын ушел. Был день ненастный,
Небо плакало дождем.

Русь стояла обнаженной
На разбеге двух дорог.
Взор туманный, напряженный
Прочитать никто не мог.

Сын ушел спасать больную,
Славу предков и их честь.
Шашку взял с собой стальную,
Да готовность крест свой несть.

Совершил свой путь тяжелый
К теплым крымским берегам.
Год двадцатый невеселый
К большевистским пал ногам.

С тех пор чудится в тревоге
Образ милый часто мне:
То идет сын по дороге,
То гарцует на коне.

То мне кажется ночами,
Голос слабый слышу я,
И тревожными очами
Сын зовет к себе меня:
— Подойди ко мне родная;
Я изранен, тяжко мне...
Русь несчастная, больная
Мне является во сне.

Весь штыками я исколот
Страшных красных палачей;
Их эмблема — серп, да молот,
Да звериный блеск очей.
Подойди ко мне, родная!
Нежной ласкою согрей!
Душит Русь меня больная,
Поспеш ко мне скорей! —

Вот уж снова слышу шопот...
Он доносится из тьмы...

Слышишь, ветер, конский топот?!...
Скажут изверги тюрьмы!
Поспешим скорей отсюда!
Сыну я должна помочь!
Он зовет меня оттуда,
Где чернеет лесом ночь...
... Широко раскрыты очи.
Быстро-быстро мчится мать
Под покровом темной ночи
Сына бедного искать.
А на утро в Синей балке
Материнский труп лежал.
Руки распяты на палке,
Из груди торчал кинжал.
Ветер пел над ним молитвы,
Погребальный скорбный стих;
Говорил, как после битвы
Здесь на веки сын затих.

ЗДРАВСТВУЙ, СТЕПЬ МОЯ ДОНСКАЯ!

Здравствуй, степь моя донская!
Степь приволья и свобод!
Я пришел к тебе, родная,
По пути больших невзгод.
Из земель чужих, холодных
Я привет тебе принес
От сынов твоих бездольных,
Крепких духом, как утес.
Много горя, испытанья
Им ниспослано судьбой,
Но с тобою час свиданья
Обретут своей борьбой...
Обретет казачья воля
В мире место и почет!
Будет светлой наша доля!
Славой Дон наш расцветет!

ЭЙ, ГОЛОВУШКА СЕДАЯ!

— Эй, головушка седая!
Зазевалась больно ты!
Посмотри, вон красных стая
Подшла на две версты!
Поскорей давай мне руку
И садись на круп коня!
Красный враг готовит штуку... —
Он заметил уж меня.
— Нет, молодчик юный, бравый,
Не оставлю я курень!
Мне не страшен змий стоглавый,
Не страшна могилы сень!
Да, не мне бежать от смерти,
Перед ней дрожать, как лист!
Не страшны мне эти черти,
Рев их дикий, вой и свист!
Встречу их достойно, смело,
Как казак времен былых.
Будет жить казачье дело
Наших предков удалых!
Жить без подвига страшнее
Всяких пыток палачей...
Ну, прильни к коню теснее
И скачи, скачи быстрее!
И старик походкой твердой
Зашагал в тенистый сад.
Он сиял улыбкой гордой.
Был старик чему то рад...
... Сад ожил не трелью тонкой
Музыканта-соловья,
А поспешной песней звонкой
Пулеметного огня.
Это дед косил пехоту,
Как могучий великан.
Красных слал за ротой роту
Большевистский темный стан.
Но умолкла песнь стальная,
Как вечерний перезвон.
— Вот теперь, земля родная,
Смерть приму и я за Дон!

Поклонился старец низко
На четыре стороны...
Крики, ругань близко-близко
Красных варваров слышны...

ЗАКРУЖИЛОСЬ ВИХРЕМ ВРЕМЯ.

— Ну, теперь раздайся шире,
Казачков слепой народ!
Революция уж в мире!
Все идут за ней вперед!
Не потрефит кто ей в ногу
Да оглянется назад,
Возвратит тот душу Богу,
Иль себе не будет рад!
Только с нею, только с нами
Казачки должны идти!
Нас зовут большевиками!
С прошлым нам не по пути!
О былом кто думать станет,
В нем искать себе кумир,
На того наш гнев нагрянет,
Мести нашей грозный пир!
Так давай, казачок, дорогу
Революции скорей!
Поклоняйся ей, не Богу!
Все за нами! Эй, быстрей!
Пронесемся смерчью страшной
Над просторами Руси!
С мстью прошлому ужасной
Каждый красненький флаг неси!
... Вольный рыцарь сдвинул брови,
Руку к шашке приложил.
Голос чести, голос крови
Громко в нем заговорил:
— Прочь с земли отцов, собаки,
Слуги ада и тюрьмы!
Гнусны, пошлы ваши враки,
Ваша служба духам тьмы!
Вы попрали правду Божью
И незыблемый закон!

Русь заливши грязной ложью,
 Погубить идете Дон!
 Верность долгу и закону —
 Вот наш старый вечный клич!
 С ним мы служим верно Дону,
 С ним сотрем мы красный бич!
 Закружилось вихрем время,
 Задымилась степь кругом:
 Вольное казачье племя
 С красным борется врагом...
 ... Рыцарь борется до селе,
 Как всемирный богатырь...
 Много ран больных на теле,
 В сердце вера, правды ширь...
 Победит казачья вера
 Кознь бесчисленных врагов!
 Будет день, настанет эра
 Торжества идей борцов!

СИРОТА.

Улицей девчонка
 Бродит по ночам.
 Ветхая шубенка
 Ей не по плечам.
 Мертвецом прозрачным
 Смотрит силуэт
 И укором мрачным
 Падает на свет.
 Детство отобрали,
 И отца, и мать.
 Обрекли в печали
 По миру гулять.
 Нет нигде приюта,
 Близких нет людей:
 Большевик—Малюта
 Все отнял у ней...
 ... В старенькой шубенке
 В вьюгу на реке
 Труп нашли девчонки
 С крестиком в руке.

На лице сиянье
Радости чудес,
Веры ликование
Праведных небес.

С К У Р А Т Ы.

Измеряют годы время
Быстрым бегом жутких дней.
Пир справляет ада племя
На костях, крови людей...

На крыле своем незримом
Все уносит время в даль.
Светлой лаской там и миром
Утоляется печаль.

Дух отрады вдохновенной
Там царит в лучах любви,
Царство вечности нетленной,
Жизнь без плоти и крови.

Там ответ дадут пред Богом,
Перед Вечной Красотой,
Кто глумился над чертогом
Правды Мудрости Святой.

В мире кто не знал иного,
И лишь думал об одном —
Горькою слезой другого
Упиваться, как вином...

Нет, не будет без отплаты
Скорбь невинных и их вздох!
Страшный гнев пожнут скураты
За поруганный чертог!

ПРАВДЫ ПРИДЕТ СВЕТЛЫЙ МИГ.

Через серое ненастье
Лет безвременья и смут
Светит лаской солнце счастья,
Жизнь свободная от пут.

Ловит сердце луч священный
В мраке темном наших дней,

Луч надежды сокровенной,
 Свет божественных идей.
 И отрада неземная
 Наполняет тихо грудь.
 Мысль уставшая, больная
 Видит снова правды путь...
 Пусть усеян он шипами
 Черной злобы и интриг!
 Нам не страшно: Бог ведь с нами!
 Правды придет светлый миг!

ВОЛШЕБНИЦА ТЕМНАЯ НОЧЬ.

Волшебница темная ночь
 Навяла давние сны.
 Воскресло ушедшее прочь,
 Зажглася зарница весны.
 Ожили и пышные розы
 В сиянии светлой мечты.
 Склонились тихо березы
 Над местом, где плакала ты,
 Где тихой и нежной улыбкой
 Прощалася, мучась тоской,
 Терзалась душевною пыткой,
 А губы шептали: ты мой!...
 Несется от выстрелов рокот
 Над далью ковыльных степей,
 А в сердце волнующий шопот
 Прощанья царицы моей.

* * *

Весеннею полной водою
 Промчались счастливые дни.
 Унесены встречи с тобою,
 Зажегшие в сердце огни.
 Не меркнет их свет в бездорожьях
 Жестокой и темной поры:
 Пред храмом любви, у подножья,
 Горят, как былого дары.

Как дальний маяк среди бури,
Сияют во мгле моих лет
И манят к прозрачной лазури,
Откуда ты шлешь мне привет.

* * *

Годы, мелькая, бегут за годами.
Дальше и дальше уносят тебя...
Скрылась надежда давно за горами,
Сердце ж лелеет твой образ любя.
Буря бессильна, бессильно и время
Вырвать твой лик из уставшей души.
Тяжко разлуки безмерное бремя.
Горьки горячие слезы в тиши...
Слышу дыхание уст ароматных,
Шелест стыдливо упавших ресниц,
Нежные чувства взоров прекрасных,
Будящих в сердце сиянье зарниц...
Да, ты со мною, как ангел незримый,
Спутница верная, нежный мой друг!...
Сердцем на-веки образ хранимый
Мой озаряет весь жизненный круг.

ВЕРНЕТСЯ СЧАСТЬЕ!

В жизни потеряно все дорогое:
Близкие люди, отеческий кров.
В сердце осталось лишь чувство святое:
К бедной далекой отчизне любовь.

Гнетом безмерным лежит на ней камень
Горя, страданий и длительных мук.
Гнева народного огненный пламень
Вырвет ее из разбойничьих рук!

С родиной, к жизни в борьбе возрожденной,
Вернется светлое счастье опять.
С новой надеждой, мечтой окрыленной,
Встретим отчизну, как бедную мать.

Ей отдадим свои силы и знания,
 Опыт накопленный долгим трудом,
 Яркую веру и пламень дерзання —
 Все принесем в ее жертвенный дом!

СРЕДИ СТЕПНЫХ ЦВЕТОВ ДУШИСТЫХ.

Я помню день весны далекой;
 Его я не забуду никогда!
 В степи тропую одинокой
 Вдвоем с тобой бродили мы тогда.
 Заката солнца луч игривый
 Писал узор на травах и цветах,
 А я ловил твой взор стыдливый,
 Улыбку неги, счастья на устах...
 Среди степных цветов душистых
 Была ты краше сказочных цветов!
 О, сколько слов горячих, чистых
 Тебе сказать я был тогда готов!
 Не в силах красочное слово
 Порыв души, волнение передать,
 Как было ярко, чисто, ново —
 Любви твоей невинной благодать!

С ЗНАЧЕНИЕМ ТЫ МНЕ ПОДАРИЛА ЦВЕТОК.

Под сению тучки игривой, ажурной
 Искали мы в поле с тобою цветы.
 Желания мчались за далью лазурной
 На крыльях весенней горячей мечты.
 В расцвете своей красоты, упований
 С значением ты мне подарила цветок.
 Я, полный прекрасных и чистых желаний,
 К губам своим страстно прижал твой платок...
 Вдруг взор твой глубокий, лучистый и нежный
 Обдал меня жаром взаимной любви.
 Склоняя головку в цветах белоснежных,
 К моей ты припала с доверьем груди...

... С тех пор ты, родная, мечтаний улада,
Живешь в моем сердце, как ангел любви.
Не гаснет от бури святая отрада.
Не стынет волнение в уставшей крови.

БЛЕСНУЛИ, КАК ЗОРЬКИ, УШЕДШИЕ ГОДЫ.

Счастливые были те дни и мгновенья,
Какие дарили мне встречи с тобой!
Как сильно отрадное было волнение,
Как солнце горело над близкой горой!
Как яркое небо пылало лучами,
Расцветшею тихо манило фатой!
Прекрасная, ты говорила очами:
«Твоя я на-веки, на-веки ты мой!»...

... Блеснули, как зорьки, ушедшие годы
И дни незабвенных свиданий с тобой.
Сквозь мрак лихолетий, сквозь бури, невзгоды
Сверкают зовущею к счастью звездой...

Над гранями лет и пространств необъятных
Сияет твой образ родною красой.
И я посылаю тебе ненаглядной
Весенние розы с осенней слезой...

НОВОЕ ИЗГНАНИЕ.

Прощай, прощай, земля страданий,
Земля крови, потоков слез!
О сколько я воспоминаний
В изгнанье новое унес!...

Унес печаль, тоску, терзанье
За судьбы родины моей,
И веры пламень и желанье
Обнять ее на склоне дней.

С сыновней лаской и любовью
Принести ей дань последних сил.
В степях политых братской кровью
Обрести следы родных могил...

... Конец настанет силам злым.
 За все они дадут ответ.
 На месте скорбном, месте лобном
 Сияньем вспыхнет правды свет.

БЛАГОСЛОВЕННАЯ КАНАДА.

За нами водная громада
 Осталась пениться, шуметь...
 Благословенная Канада,
 Тебе готовы гимн мы петь!...
 Стремится жадно взор усталый
 К покойным тихим берегам;
 Готов припасть и стар, и малый
 К твоим заснеженным стопам.
 Осталось многое за нами
 В пути страданий и утрат!
 Края, плененные врагами,
 И наш несчастный узник-брат!...
 С него снять путы и оковы
 Мы поклянемся, как один!
 Да, будем все к борьбе готовы!
 Да сгинет красный властелин!

ИСПОЛНЬ СВЯТОЕ НАЗНАЧЕНИЕ!

За океанскою каймою
 Тебя мы видим, Новый Свет.
 Ты весь туманною росой
 Покрыт, как камень самоцвет.
 За далью серо-голубою
 Какой скрываешь ты сюрприз?
 Готов ли ты принять борьбою
 Того, кто попрал святость риз?
 Кто вверх полмира в бездну смерти
 Своим обманом и войной?
 Кому усердно служат черти,
 Кто в дружбе только с сатаной?
 Иль будешь ты, как в дни былые,
 Себя надеждой утешать:

Ко мне не придут беды злые,
Не вникнет красной силы рать...
Напрасны будут упования
Твоей изнеженной мечты.
Настанет день тягчайшего познания
Того, в ком друга видел ты.
Как будет тяжко искупленье
Наивной веры прошлых лет!
Законом станет преступленье,
Посмешищем святой завет...
...Со злом не может быть сговоров,
Ни компромисов, ни речей:
Весь свет терзает шайка воров
Кремлевских красных палачей.
Лишь ты от уз избавить можешь
Порабощенных палачом.
Один лишь ты Москву тревожишь
Своим таинственным мечом.
Твой меч да будет во спасенье
Измученным слугою тьмы!
Исполни святое назначенье,
Избавь народы от тюрьмы!

П Р И В Е Т.

Из дали знакомой по детским мечтаньям
Тебе, моя радость, я шлю свой привет
С тоской неизбывной и жгучим желаньем
Тебя вновь увидеть и Дона расцвет.

Как хочется сердцу сказать тебе много
Без слов многозначных, без пышных речей
О том, как судьбою наказан был строго,
Как много бессонных провел я ночей.

Как часто на крыльях мечты невидимой
Я мчался туда, где расстался с тобой.
Как часто я видел твой образ любимый,
Проникнутый скорбью и тихой мольбой.

Признания сердца пусть вышли из моды,
Пусть чувства осмеяны пошлой толпой!
Тебя я люблю, как и в прежние годы,
Любовию чистой, любовью святой!

Г Р Е З Ы.

Рано познал я томленье
Яркой, как звезды, любви,
Тайное сердца волненье,
Жар пепелящий крови.

Часто весенние ночи
Грезы сплетали во тьме:
Я целовал твои очи,
Плакал от счастья во сне...

Рано познал я горенье
Девичьей чистой души,
Радость любви, наслажденье
Негой, рожденной в тиши.

Все отлетело куда-то
С вихрем мирской суеты.
Только сберег тебя свято
В сердце, где царствуешь ты.

РОДНЫЕ НАПЕВЫ.

Родные напевы, бессмертные звуки!
Как дороги были всегда для меня!
Собой отразили вы радость и муки
И свет несказанный святого огня.

Из дали безбрежной времен невозвратных
Сказания предков с собой донесли
О жертвах великих и подвигах ратных
Народа казачьей священной земли.

О жизни свободной, как волны морские,
Как бег над ковылью степной синевы!
О бедах, упавших на степи донские,
О мести жестокой холодной Невы.

В тяжчайшие годы лихих испытаний
Казачая песнь нам отрадой была:
Из выси надзвездной столетних сказаний
Она нас на подвиг последний звала.

И верный извечно Дон древним зеветам
Исполнил свой долг перед миром тупым:
Не сдался на милость кровавым советам,
Не стал их оружием послушным, слепым!

* * *

На свете есть слово, прекрасное слово!
Оно не стареет во времени лет.
Всегда для нас мило, всегда для нас ново,
В сердцах наших будит созвучный ответ.

Его мы лелеем в мечтах своих ранних,
Как нежную сказку расцветшей души.
Его произносим в краях чужих, дальних
И в долгие ночи царящей глуши.

Оно лишь для той, кто душе нашей ближе;
Огонь незабвенный кто будит в груди;
С кем к звездам подняться мечтаем мы выше;
С кем счастье видим свое впереди.

Пусть имя желанной какое угодно,
Княгини-ли знатной, крестьянки-ль простой,
Для нас оно мило, для нас оно модно,
И мы свое солнце зовем дорогой!...

ПОДНЯЛИСЬ ВОЛНЫ НА ДОНУ...

Доколе будем мы терпеть
Разбой советских палачей?!
Расторгнем дьявольскую сеть,
Прогоним псов с своих очей!

Пусть враг шумит, как темный лес,
Угрозой злобною дыша,
Не страшен нам советский бес,
Его похабная душа.

Кто честь и волю бережет
С седых прославленных времен,
Тот факел истины зажжет
Под звуки гимна, шум знамен...

... Несется гомон, храп коней;
Блестят на солнце шлемы пик.
Команда: «Стройся поскорей,
Кто смел душою и велик!»...

Поднялись волны на Дону
В священном гневе до небес.
Объял вдруг ужас сатану.
Замолк, притих советский бес...

...Под сенью храмов вековых
 Рыданье, пение молитв
 По тех героях боевых,
 Что пали в бурю страшных битв.

ХРИСТОС ВОСКРЕСЕ!

Христос Воскресе, степь донская,
 Земля свободы и мечты!
 Как мать родимая, лаская,
 Своих сынов вскормила ты.

Не ради пиршеств, игр веселых,
 Не ради роскоши палат,
 Но ради подвигов тяжелых,
 Труда, борьбы и бранных лат...

О, сколько их легло со славой
 Во имя чести и свобод!
 На орды зла ходили лавой,
 Когда душою пал народ.

Тогда Россия утопала
 В крови невинных и слезах,
 Среди ночи страшного развала
 У всей Европы на глазах...

Пусть мир взирает безучастно
 На жертвы тех, кто в правде рос,
 Кто зло отверг так смело, властно,
 Кто крест свой тяжкий с верой нес...

Пробьет час правды воскресенья,
 Час воздаяний по делам!
 Как воск растают злобы звенья!
 Придет конец большевикам!

С тобой, как с матерью родною,
 Мы в праздник чуда из чудес
 Воскликнем с радостью святою:
 Христос Воскрес! Христос Воскрес!

ПРОЩАНЬЕ.

— Мне на свет бы взглянуть еще раз...
 Поднесите меня вы к окну.

Скоро-скоро покину я вас,
Скоро-скоро на веки засну...
И с недетской тревожной тоской
Детский взор обнимал Божий свет,
И туманился тихой слезой,
Посылая последний привет.
— Ну довольно, устала в конец...
Положите меня на кровать.
Вижу смерти шиповый венец,
Но не страшно совсем умирать...
Опустилися скорбно глаза.
Что-то силы похитило вновь.
Стыла каплей на щечке слеза,
Стыла в сердце и юная кровь...
... Ах, вы плачете горькой слезой!...
Снова шопот пронесся больной,
Ангел с чудной душистой лозой
Крылья нежно простер надо мной...
Он головкою кротко поник...
Словно солнце одежда на нем.
Светит, блещет, сияет огнем...
Как прекрасен святой его лик!...
Слабый голос сестренки угас,
Будто пламя свечи в полутьме.
Смерти страшной приблизился час,
Как виденье в бреду иль во сне...

Р А З Л У К А.

Небо пылает огнями заката,
Золотом даль заливая степей.
Доном несется тревога набата,
Призыв к свободе без красных «идей»...
Скрылося солнце за дальней горю,
Таит улыбка его в небесах.
В сумраке редком, весенней порою,
Вижу я слезы в прекрасных глазах.
Девичьи слезы любви несказанной
Жгут мое сердце, как пламень огня...
Крепко целую я руку желанной,
Мигом сажусь на гнедого коня.

Мчится ретивый дорогой родною,
Искрами брызжут удары копыт.
Скоро ли будешь, девица, женою?
Или же скоро я буду забыт? . . .

Ну так лети же быстрее, ретивый,
К сборному месту восставших донцов!
Снова вернется к нам день наш счастливый
Вместе с свободой героев-отцов!

БЕЛЫЕ СТЕПИ . . .

Белые степи, снега серебристые!
Что ж вы застыли в немой тишине?
Что призадумались, нежные, чистые?
Или вы грезите словно во сне?

Разве не слышите скрежет угрозы,
Хлещет что с севера красной волной?
Эх! поскорее нагряньте, морозы!
Степь, закружись, завейся пургой! . . .

Пусть обретут свой конец в бездорожьях,
Орды жестоких, преступных людей,
Смысл своей жизни нашедших в безбожьях,
И в поношении лучших идей!

Так разразится же, степь непогодой,
Вьюгой, метелью взметни до небес!
Да уничтожены будут природой
Те, кем владеет давно уже бос!

НЕ ДЛЯ МЕНЯ ТЕПЕРЬ РАДОСТЬ.

Сад наш оделся цветами,
Нежится лаской весны.
Я заливаюсь слезами,
Вспомнив недавние сны.

Чудилось мне в полночи,
Голос раздался во тьме:
— «Встань, пробуди свои очи
И помолись обо мне.

Кончился путь недалекий
Жизни короткой, как сон.
Я твой жених черноокий,
Пал за свободу, за Дон.

Встань помолися, родная,
Перед иконой святой.
Выпала доля иная...
Мне не венчаться с тобой»...
Голос умолк, но мгновенно
Снова раздался в тиши:
«Все что сказал тебе, верно!
Больше ты мне не пиши...»
Не для меня теперь радость,
Прелесть весенних лучей!
Горем похищена младость,
Скорбью убит блеск очей.
Больше не надо веселья,
Ни мишуры золотой.
Манит, зовет к себе келья,
Подвиг молитвы святой.

ПРОМЧАЛИСЬ ГОДЫ.

Наш сад покрылся снова пышно
Цветами яркими весны,
И ветерок почти неслышно
Ему поет: — счастливы мы!...
Иду зеленою тропкою
Под сводом гибким из ветвей,
Один с поникшей головою,
С тоскою жгучею по ней.
Сегодня день последней встречи,
А завтра я спешу в отряд
Навстречу пулям и картечи,
Где рвется вражеский снаряд.
Придется ль к ней вернуться снова,
Мой сад любимый, детства друг?...
Как жизнь прекрасна и сурова!
О, сколько прелести вокруг!...
Но вот за дальними кустами
Мелькает женский силуэт,
Своими нежными руками
Мне шлет он радостный привет...
Исчезли думы и сомненья,
Как мрак от солнечных лучей.

О, сколько радости, волненья
 Во взгляде девичьих очей!...
 — Я так спешила, так спешила...
 И так боялась опоздать...
 Шептала сбивчиво и мило,
 Начав вдруг плакать и рыдать.
 — Ты мне прости, что я здесь плачу...
 Но сердце чувствует беду.
 В пути не вижу я удачу...
 Одна я в жизни побреду...
 Идешь, где пули и снаряды,
 Где массы мечутся в огне,
 Где люди смерти часто рады...
 ... Ты там не думай обо мне...
 Она к груди моей припала,
 Забилась трепетно в слезах...
 Листвой сквозила тучка ала,
 Запел соловушка в кустах...
 — Не плачь, не мучь себя напрасно,
 Тревожной мыслью не терзай.
 Смотри, как жизнь кругом прекрасна,
 Как мил, как чуден вольный край!...
 Увижу ту, кто всех милее!
 Разлуке тяжелой век не быть!...
 Эй, пой, соловка, веселее,
 Чтоб горе нам свое забыть!...
 ... Промчались годы бурей снежной,
 Украшен я вот сединой...
 Не мог забыть голубки нежной,
 Не мог венчаться я с иной...
 Мне часто чудится ночами —
 Я слышу пенье соловья,
 И в сад с поникшими очами
 Идет желанная моя...

Р Ы Ц А Р Ь.

Владычица ночи бесшумно спустила свое
 покрывало
 Над южной красавицей, степью донской.
 Один только рыцарь, прославленный, честный и
 днесь, как бывало,
 Ее охраняет священный покой.

Седой, величавый стоит он бесменно на
страже веками,
И взор его в даль устремлен, как полет.
Не зная покоя, со славною ратью—своими сынами,
Готов оразить он внезапный налет.

Над степью красы несказанной нависли угро-
зою темной
Враждебные орды отсталых миров,
И жизни казачьей извечно свободной, извечно
привольной
Давно уже роют губительный ров.

На пиршествах часто похмельно-угарных
и буйных, как буря,
Враги прославляют набегов разгул;
И с чванством восточным грозят степи с суши,
грозят вольной с моря,
Где властвует турок, надменный Абдул...

Но нет, никогда не увидеть восточным глазам
басурманов,
Как по Дону ходят седые валы!
Им пира побед никогда не справлять за столом
атаманов,
Пока в поле реют донские орлы!

ПОД ПОКРОВОМ НОЧИ.

Ночкою летней, ночкою лунной
Выйду я в тихий соседний лесок.
Там я забудусь от суетной, шумной
Жизни, увядшей, как скорби венки.
И под покровом таинственной ночи
Сердцем умчуся в заветную даль.
Там я увижу любимые очи;
С ними забуду тоску и печаль.
С ними вернутся и прежние годы
Наших немногих, но счастливых встреч,
Что пронеслися, как вешние воды,
Что не умел я от бурь уберечь.
Снова услышу я трепет, волнение
Девичьей нежной, как роза, души,
И соловьиное звонкое пенье
В недрах тенистой вишневой глуши...

Снова по прежнему сердце зебьется
 Радостью чистой и верой в людей.
 Мысль в поднебесье, как сокол взвьется,
 Звездам поведать, как счастлив я с ней!...

РЕЧЕНКА СТЕПНАЯ.

Как девы, в мечтании тихом левады.
 Реченка степная и с венгером дед.
 Как много для сердца вы дали отрады
 И счастья для детских умчавшихся лет!
 Бежишь под вербою костер приготовить
 С шапчонкою, полной грачиных яиц.
 О сколько здесь детских сияющих лиц,
 Пир вместе с тобою готовых устроить!
 Дед издали видя ребячью затею,
 Стопы направляет к кричащей гурьбе.
 — Во фронт становитесь, кричит Саватею,
 Пора поучиться казачьей борьбе!
 Забыты грачиные свежие яйца,
 Забыт и их запах травы полевой.
 Глазами впиваемся в бодрого старца,
 Построив мгновенно свой фронт боевой.
 — Оставить забаву! Настал час ученья!
 Все слушать извольте команду мою!...
 Мелькнули минуты, мелькнули мгновенья
 И мы в жаркой схватке, в горячем бою...
 Старик весь сияет довольный собою,
 Усердием нашим и гомоном птиц.
 А мы собираемся снова гурьбою
 Дожарить грачиных шапчонку яиц...
 ... Теперь, вспоминая ушедшие лета,
 Картины былого встают предо мной;
 И лица знакомые, люди обета,
 Проходят достойной одной чередой.
 Здесь вижу я славного деда Миная,
 Что с венгером рыбу любил поджидать,
 Что нам о походах за воды Дуная
 В таких живых красках умел рассказать.
 Беспечного детства друзей вереницы
 И спутников верных всех ранних проказ

Я вижу в боях за родные станицы,
За веру, свободу, казачий указ.

В кошмарные годы крушенья России
Они не склонились пред дикой толпой
И, верные долгу, заветам Мессии,
В неравный вступили со злобою бой...

Ни мир, ни скрижали земные не знают
Их скромных и честных народных имен;
И только анналы полков вспоминают,
Как бились под сенью казачьих знамен.

Лишь только немногим досталось на долю
В изгнании тяжком свой век коротать:
Все пали, иль приняли муки за волю,
За правду и милую родину мать.

ДВОРЦОВЫЙ ВЫСТРЕЛ.

Осиротел казачий стан
В столице вольности донской:
Ушел из жизни атаман,
Как жертва слепоты людской.

Былинный словно исполин,
Привыкший меряться с бедой,
Погиб великий Каледин,
Борясь с красною звездой...

Раздался выстрел роковой
В палатах царственных свобод,
Чтоб пробудить к борьбе святой
Лжецом обманутый народ.

Чтоб веру, вольность уберечь,
Заветы правды вековой,
Призвал нас вынуть острый меч
Дворцовый выстрел громовой.

Бессмертный дух богатырей
Проснулся в честных казаках,
И от Хопра до вод морей
Восстал народ с мечом в руках...

Вздымились волны на Дону
Могучей грозною грядой,
И потрясая всю страну,
Начался долгий страшный бой...

Бой не окончен и теперь,
 Неравный тяжкий с злобой бой;
 Сражен в нем будет бездны зверь!
 С проклятьем рухнет красный строй!

И царством мудрой красоты,
 Эпохи тяжкой великан,
 Прославлен будешь громко ты,
 Наш славный вождь, наш а т а м а н!

ВСТРЕЧА НОВОГО ГОДА...

Звенят бокалы тихим звоном.
 Играя, пенится вино.
 Сердца поют о счастье новом,
 Что будет свыше нам дано.

Забыты горести, сомненья.
 Забыт ушедший в вечность год.
 Ликует новое стремленье
 Итти с надеждою вперед.

Не все потеряно ведь нами
 В порывах бури роковой:
 Струится теплыми волнами
 Любовь к отчизне дорогой.

Мы верим в час ее спасенья
 От плена, рабства, нищеты,
 И в час великий возрожденья
 Ее духовной красоты!

К А З А К.

Тебе, казак, наездник беспримерный,
 Я посвящаю музы стих.
 Всегда ты, в жизни скромный, в дружбе верный,
 В борьбе отважен, смел и лих.

Давно победный стяг твой реет гордо
 Над серой далию веков.
 Всегда стоишь за правду жизни твердо,
 Всегда за честь к борьбе готов.

Ты в годы зла и страшного разгула
 С узды сорвавшихся страстей

От рек своих степных и до аула
Боролся с пагубой людей.

В борьбе великой с темной страшной силой
Ты был, как рыцарь, одинок
И пред разверзшейся могилой
Стоял спокойно, как пророк;

И, как пророк, ушел скорбя в изгнание,
Чтоб миру правду рассказать:
Какую чашу горького страданья
Ему готовит ада рать...

Культурный свет с усмешкой горделивой
На страстный твой призыв взглянул,
И сам с улыбкой вежливой и милой
Убийцам руку протянул...

Не будет длиться злая дружба вечно
Людской корысти с сатаной:
Растают горы злата скоротечно
В горниле правды всесвятой.

И будет долго подвиг твой великий
Лить свет с надзвездной высоты
На мир людской несчастный, темный, дикий,
На мир духовной нищеты.

МЫ ВСТРЕТИЛИСЬ С НОВА.

Мы встретились снова по долгой разлуке.
С волнением сердце сжималось в груди.
Но ты меня принял с улыбкою скуки,
Как то, что мешало тебе на пути...

Борьба разгоралась в то время с бедою
Казачьих привольных станиц, хуторов:
Украсила Русь себя красной звездой
И Дону готовила гибельный ров.

Ты был уж не мой в роковые минуты:
Ты весь был захвачен наставшей борьбой.
И молча разрезав любви нашей пути,
Ты тихо и грустно простился со мной.

И встреча была, как мечта, мимолетной;
И холод овеял прощанье твое.
Печалью безмерной, тоской безотчетной
Наполнилось юное сердце мое...

... Кошмарным виденьем проносятся годы,
И явь стала жутким, терзающим сном.
В Хопре обмельчали прозрачные воды,
И Дон уж не плещет игривым вином...
 Не мирится сердце с жестокой судьбою,
С утратою счастья в внезапном огне;
И я все мечтаю о встрече с тобою,
И верю, что снова вернешься ко мне.

ВЕЛИКОПОСТНОЕ СЛУЖЕНЬЕ.

 Великопостное служенье,
И звон церковный в эти дни,
Кадил божественных куренье,
Свечей мерцающих огни!

 Неиз'яснимую усладой
Вы в душу детскую вошли,
И тихой кротостью, отрадой
В ней чувства ярко расцвели.

 Но в вихре грешных вождений,
В порывах суетных страстей
Овладевал мной темный гений,
Винovníк пагубных идей.

 В своем смятении духовном
Искал спасенья от него.
В молитве, пении церковном
Я находил всегда его.

 И в годы тяжкого сомненья,
Утраты веры, чистоты,
В часы безбожного мышленья
Я слышал голос Красоты.

 Он звал меня вернуться снова
На путь Предвечного Добра,
Где в свете правды вечно нова
Стоит Голгофская гора,

 И снова слышал я призывный
Великопостный звон церквей;
И свет рождался тихий, дивный
В душе измученной моей.

КРЕСТНЫЙ ХОД ПОЛЯМИ.

Широкими, как свет, полями,
Под солнцем знойных летних дней,
Идет нестройными рядами
Народ и пастыри церквей.

Под небесами голубыми,
Как нежные в степях цветы,
Несется гимнами святыми
Молебн к престолу красоты.

Давно огнем палящим дышет
Далекий дивный небосвод.
Давно уж ветер не колышет
Ни трав степных, ни тихих вод.

И неподвижностью застыла
Природа в летней тишине,
И только пение уныло
Несется к звездной вышине...

Господь услышал стон народный,
Его моление в слезах,
И ветер свежестью холодной
Повеял в жарких небесах.

И темно-серою каймою
Оделся дальний горизонт.
Запахло в воздухе грозюю;
Раскрылся в небе черный зонт.

Вдруг хлынул дождь обильный и
холодный

На потемневший сразу край.
«Теперь не будет год голодный,
Господь пошлет нам урожай»!

Внезапной радостью ликуя,
При вспышке золотом креста
Народ пел громко алилуя,
Как в Воскресение Христа.

И величавый шум стихии,
И ликование людей
Слились в хвалении Мессии
Средь золотящихся полей.

В А Ш И Н Г Т О Н.

Величавой красотой
 Славен город Вашингтон.
 Мира взор привлек собой,
 Всколыхнул народы он.
 Тяжки дни смущенья лет:
 Всюду слезы, кровь и стон.
 Но надежд горячий след
 Убегает в Вашингтон.

Враг коварный хитер, зол.
 Месть в величие возвел.
 Ложь он правдою назвал,
 Созиданием развал...

Век двадцатый — жуткий век,
 Возвеличил Вашингтон,
 Чтоб спасен был человек,
 Чтоб церковью не умер звон;

Чтобы ярко зарей
 Загорелся правды свет
 Над измученной землей
 Бурей долгих страшных бед.

Близок, близок мудрый год!
 Для спасения свобод
 Вынет меч свой из ножен
 Славный город Вашингтон!

Сокрушительный удар
 Нанесет врагу земля,
 И потушит злой пожар
 От Китая до Кремля.

Засияет правды свет,
 Где врага теперь притон.
 Люди там дадут обет
 В песнях славить Вашингтон.

ТЫ ТЕПЕРЬ ИЗГНАННИК.

Бушевала буря снежная кругом
 В день, когда покинул отчий милый дом.
 Мутной пеленою затянулась даль,
 И царили всюду мрак, тоска, печаль.

Только буйный ветер доносил ко мне
Пьянный шум ватаги, шедшей в полутьме:
«Вот теперь погончик снимем золотой!
На плечах кадетских вырежем иной!»...

Эхом замирали выкрики угроз
И в душе рождали скорбь, тоску без слез.
Думы бороздили остро юный ум;
Их родил ватажный бесшабашный шум.

Буря завывала снежною пургой,
Землю покрывала белой фатой;
И готова саван скорбный для Руси,
Буря мне твердила: «Крест ты свой неси!

Там на юге дальнем тверд еще закон.
За свободу бьется славный тихий Дон.
Ты теперь изгнанник, белый партизан.
Пробирайся смело, где казачий стан».

Луч надежды новой засиял в груди,
Освещая бледный сумрак впереди.
Он от мести бесов спас меня тогда,
Вывел на дорогу подвига, труда.

ЗАТИХНИ ЛЕС!

Зачем шумишь так грустно и уныло,
Кудрявый лес, во тьме ночной?
Тоскуешь ли о том, что раньше было
И что ушло уж в мир иной?

Иль вспоминаешь пышность мирозданья,
Величье мира красоты,
С лазурью дальнею свои лобзанья
И сон, навевший мечты?

Быть может предкам славным и всеиль-
ным

Поешь ты поминальный стих?
Давно они в земле спят сном могильным;
Седа, бессмертна песнь о них.

Иль сыновей оплакиваешь в горе,
Погибших в пламенном огне,
Огне, гулявшем долго на просторе,
В далекой сказачной стране?

Затихни лес, уйми свой шум печальный
Над краем веры и труда!

Взгляни на свод небесный тихий, дальний:
Горит там яркая звезда!

Она о правде нам святой вещает,
О вечной жизни красоты,
В обитель Света с лаской призывает
С своей священной высоты.

В ИЗГНАНЬЕ.

Прощай, мой конь гнедой, прощай
ретивый,

Ковыльной степи баловень лихой!
Кому отдашь ты бег свой горделивый,
Кого носить ты будешь над собой?

Кто будет тешиться теперь тобою,
Воздушно-легкой поступью твоей?
Поить тебя проточною водою,
С тобой делиться коркою своей?

Прощай, любимый мой, прощай ретивый!
Разлуки нашей час уже настал.
Я узелок волос от пышной гривы
На память спрячу, как дорогой металл.

В дни тягостной разлуки и скитаний
По чуждой сердцу дальней стороне
Будить он будет рой воспоминаний
О годах, промелькнувших, как во сне.

И вспомню я разбег казачьей лавы,
Ее стихийный огненный порыв
Во имя правды, родины и славы,
В защиту куреней, лугов и нив.

И потрепав трепещущей рукою
Крутую шею друга-скакуна,
Седой казак с смятенною душою
Ступил на борт старинного судна.

— Прощай... прости, сторонуншка родная!..
Счастливым будь, любимый резвый конь!...
Постигла нас разлука роковая,
Шептал казак, держа у глаз ладонь.

Седой и закаленный страдой воин
Скорбел и плакал горькою слезой:
Почета кто и чести был достоин
Отвержен был заблудшейся страной...

Заката солнца пурпур золотистый
Скользил над зеркалом морской волны;
Осенний воздух легкий, свежий, чистый
Ласкал и лес, и горы, и холмы.

На фоне красоты венчанной светом,
Свершалась трагедия людей,
Не поклонившихся в беде советам
И честь хранивших родины своей.

КОРНИЛОВЦАМ.

По зову отчизны и правды извѣчной
Вы к небу взметнули корниловский стяг
И в путь неизвестный, как мир бесконечный,
Направили твердый и смелый свой шаг.

Покрытые тьмою пред вами лежали
Просторы Кубани, поверженной в прах.
Но вы не боялись неведомой дали:
Корниловцам чужд был губительный страх.

Кипела, бурлила пучина людская
И пенилась злобой кровавой кругом.
Так пенится гневно стихия морская,
Когда разразится вдруг буря и гром.

Сквозь грозную бурю свирепой стихии
Вы чудное знамя с собой пронесли:
На знамени — светлое имя России
И образ поруганной русской земли.

Пройдут большевистской поры помраченья,
Заблещет над родиной яркий рассвет;
И в песнях прославят Руси поколенья
Корниловцев славных, их славный обет.

НЕ К ЛИЦУ УНЫНЬЕ !

— Долгий путь лежит за нами.
Верный друг и в горе брат!
Путь насыщенный слезами,
Путь страданий и утрат.

Что за серой ждет каймою,
Там, где виден горизонт?
С новой встретимся бедою?
Новый ждет нас красных фронт?
— Не к лицу унынья мысли
Нам с тобою, старый друг!
Снова тучи пусть нависли!
Пусть враги шипят вокруг!
Меч, поднятый нами смело
На безумие, обман,
Защитит святое дело,
Сокрушит советский стан!
Знамя, поднятое смело,
Не опустим никогда!
Будет жить святое дело
В мире правды и труда!
С новой верой и надеждой
Шли приятели вперед.
Ветхой кутаясь одеждой,
Крест несли за свой народ.
Ветер северный холодный
Мчался с плачем лишь один
В край казачий, край бездольный,
Где пал жертвой Каледин.

АТАМАН НАЗАРОВ.

Для славы и побед рожденный
Пришел ты к власти в страшный год,
Когда обманом соблазненный
Творил безумие народ.
Кругом сихия бушевала
Лжецом разбуженных страстей.
В тот год Россия в бездну пала
Под свист толпы и плач детей.
И Дон, стихией окруженный,
Стоял пред бездной роковой.
Но ты, как рыцарь посвященный,
Пришел спасти свой край родной.
В борьбе неравной и тяжелой
Ты был, как жертва, обречен.

С улыбкой тихой и веселой
Предстал пред красным палачом.
Не утратился ты винтовок,
Направленных в лицо врагом.
Как славных рыцарей потомок,
Ты сам скомандовал огнем;
Ты сам врагам своим безумным
Отдал приказ: «Ну, сволочь, пли!»
И залп разнесся эхом шумным,
И ты приник к лицу земли.
Лишь ветер с рощею высокой
Стонал и плакал по тебе;
И скорбь его неслась к далекой
Мерцавшей в небесах звезде.

НЕВОЗВРАТНОЕ.

Ах, зачем и кому было нужно,
Чтобы я разлучилась с тобой?
Как нам жизнь улыбалась радушно,
Как манила счастливой звездой!

Ах, зачем и кому нужно было
Затоптать в пыль надежды букет,
Взять того, кто так бережно, мило
Вызвал в сердце весенний расцвет?

Ах, зачем и кому нужны слезы
Об утраченном счастье в пути,
О душистых цветах пышной розы,
О мечтах, погребенных в груди?

Не найти мне уж больше утехи
Средь забав и мирской суеты!
Не забыть мне сияние неги,
Что когда то в душе вызвал ты...

Ах, зачем и кому нужны были
Скорби слезы, тоска и печаль?
Подорожная муть едкой пыли
Все покрыла, что сердцу так жаль.

П Р О Щ А Й !

Прощай, друг верный, конь гнедой!

Несешь меня в последний раз.

Судьба постигла нас бедой,

И Бог прогневался на нас.

Отчизны нет уж дорогой;

Она врагом полонена;

Залита красною волной;

Не скоро к ней придет весна.

Теперь там крик и стон, и плач.

Теперь невинных всюду кровь:

Дал волю мести злой палач,

И пир справляет злоба вновь...

Казак поспешно слез с коня

И устремил к востоку взор.

Там меркло зарево огня,

На темном фоне дальних гор.

О, край мой милый, край родной!

В огне пылаешь ты теперь.

Поруган дикою ордой,

И грудь твою терзает зверь.

А мы, уставши от борьбы,

Идем голгофскою тропой.

Не в силах приговор судьбы

Мы изменить своей рукой.

Нас ждет скитанье впереди,

И холод сердца чуждых стран;

Огонь тоски в больной груди,

И гнет тяжелых старых ран.

Но крест свой смело понесем,

Крест правды вечной и святой,

За край родной, за отчий дом,

За гимн свободы вековой.

Вон море. Профиль корабля.

Простерлись мачты к небесам.

Прости, родимая земля,

Позволь припасть к твоим стопам...

Казак с поникшей головой

К земле склонился, как лоза.

На камень древности седой

Упала скорбная слеза.

— Но злобе царствовать не век,

Блеснуло в сердце казака,

Проснется в людях человек
И смелость деда Ермака.
Минет пора кошмарных лет,
Пора господства страшной тьмы!
Взойдет с зарей опять рассвет,
И правда выйдет из тюрьмы!
Закон, свобода оживут!
Вернется к радости страна!
И честь тому воздаст она,
Кто не признал советский кнут.
Кто жизнь свою не пожалел
За благо общее отдать,
И муки принял, как удел,
За свой народ, отчизну-мать!

О Ч И.

Открытое море
И синяя даль;
А в сердце лишь горе,
Тоска и печаль.
И дум вереницы
Встают в голове,
Летят, где станицы
Сокрылись во мгле;
Где жгучие очи
Девицы одной
В тиши светлой ночи
Прощались со мной;
Светилися лаской,
Любовью святой;
Роднились со сказкой
И чудной мечтой.
И сад там вишневый
В красе расцветал
И жизнь новую
Нас к счастью звал...
Но мы разлучились
По воле судьбы;
На время простились
В дни белой борьбы.

Горят эти очи
Теперь предо мной,
В тиши среди ночи
Жгут сердце тоской.

БЫЛОЕ ВЕЛИЧЬЕ.

Я на крыльях мечты унесусь
В край далекий отчизны моей,
Где прославилась древняя Русь
Светлой правдой и верой своей.
Там дыханье услышу веков,
Прошумевших над ширью степей
Без татарских тяжелых оков
И без рабских позорных цепей.
Стариною повеет седой
От курганов, легенд и былин,
Мир воскреснет пред сердцем иной,
Мир бессмертных, как вечность, картин.
Оживет степь величьем былым!
Заколышется морем ковыль!
Под небесным шатром голубым
Песнь польется про светлую быль.
И забуду я мрак наших дней,
Бездорожье в тумане седом...
Только с родиной, только лишь с ней
Обречем мы и счастье, и дом!

ДЕВИЧЬИ ВЗОРЫ.

Снова умчались стужи, морозы
В край неизвестный, чужую страну.
В старом саду распускаются розы,
В пышном уборе встречают весну.
Шепчут неслышно головки душистые
Что-то соседним зеленым кустам,
И улыбаются нежные, чистые
Девичьим ярким невинным устам...
Девушка тихо любит розой,
Чудом весенним живой красоты...
Девичьи взоры с прекрасною грезой
Все же прелестней, чем розы цветы!

ДЕНЬ ПОКРОВА.

Близок, братья, незабвенный
Покрова святого день.
С верой чистой, вдохновенной
Посетим мы храмов сень.

И в молитвенном гореньи
Вознесем свои сердца
К горнім ангельским селеньям
Вседержителя Творца.

Мы помолимся усердно
Об ушедших в мир иной;
Кто служил отчизне верно,
Кто пал жертвой роковой.

Вспомним наших атаманов,
Вспомним славных казаков,
Духом крепких великанов,
Не признавших зло оков.

Пропоем мы «Многа лета»
Тем, кто жив еще теперь;
С лаской братского привета
Им откроем сердца дверь!

Только братским единеньем
Дух казачества живет;
Чужд раздора и сомненья
Смело движется вперед!

НАШ ДЕВИЗ.

Друзья хотя уж в битве пали,
Но нам не страшна вражья рать!
Мы в нашем горе и печали
Не будем, братцы, унывать!

Огонь любви, патриотизма
Нам освещает трудный путь.
Отвага, смелость героизма
Вздымает гордо нашу грудь.

Завет эпохи Калединской —
Вот наш девиз и крепкий щит!
«Боритесь с силой сатанинской!» —
Он миру громко говорит.

А мир? Не слышет зов священный.
Погряз в соблазнах и страстях.

Себе кумир он строит бранный
 На человеческих костях.
 Но мы пойдем путем завета!
 Нас гнев слепых не устршит!
 Придет день правды—день рассвета,
 В лучах заискрится наш щит!

СТЕПНОЙ ПОХОД.

Поет тоскливо зимний ветер,
 Грустит о давней старине.
 Сползает с неба мрачный вечер;
 Туманом никнет он к земле.
 А в даль холодную, сырую
 Идут отряды партизан:
 Столицу славную донскую
 Покинул с ними а т а м а н.
 Идут отряды бодро, смело;
 Идут в завьюженную степь,
 Хотят спасти святое дело
 И снять с народа рабства цепь...
 Бушует вьюга над простором
 Задонско-Сальской стороны.
 Туда своим орлиным взором
 Несутся вольности сыны.
 Сердца отвагой смелой бьются!
 За правду каждый пасть готов!
 Пусть снег несется, вихри вьются,
 Борцам укажет путь П о и о в!

С СТОНОМ И ПЛАЧЕМ КРУЖИЛИСЬ МЕТЕЛИ.

Снежные вьюги, густые метели
 В поле гуляли сторонки родной;
 Грустные песни свои они пели
 И вспоминали о жизни былой;
 Степь как красою своею сияла!
 Вольным разбегом ковыльной волны!...
 Но в лихолетьях краса увядала,
 Гасли надежды и грезы, и сны...

Темные силы края полонили,
Все затоптали луга и поля.
Сказкою стали светлые были;
Кровью невинных покрылась земля...
С стоном и плачем кружились метели
В скорбном просторе родимой земли;
Песни печали и горести пели
Там, где недавно станицы цвели...
... Злоба не вечна! Пройдут ее годы!
Тьма озарится победой добра!
К жизни свободной вернутся народы!
Правде казачьей воскликнут ура!

ТЫ УШЕЛ.

Ах, как сильно тебя я любила!
И жила я лишь только тобой!
Но какая то тайная сила
Завладела твоей судьбой.
Ты ушел от меня непонятный,
Неразгаданный рыцарь мечты...
Несся степию призыв набатный;
На него отозвался и ты.
Ты ушел в час великой тревоги,
Нашу землю об'явшей кругом.
Заграждалися злобой дороги,
Стереглись большевистским рабом...
Ты навстречу пошел злой стихии,
Чтоб померяться силою с ней,
Постоять за свободу России
И за счастье будущих дней...
Ах, как сильно тебя я любила!
И теперь я живу лишь тобой.
Лишь сырая заставит могила
Примириться с суровой судьбой!

ИСКУССТВА БЕССМЕРТНЫ ОГНИ.

(Посвящается А. С. Пушкину)

Прославил себя ты трудами.
Как звезды сияют они!

Не меркнет краса их с годами :
 Искусства бессмертны огни.
 Горят они лаской привета
 И манят нас в храм чистоты,
 В храм подвигов, жертв и обета,
 В обитель святой красоты.
 Среди мрака будничной тревоги
 Утехой нам служит их свет,
 Во тьме озаряет дороги
 И правды забытой завет.
 Не смеем роптать мы на Бога :
 Борьба нам досталась в удел,
 За родину наша тревога;
 Ее ты, наш Пушкин, воспел . . .
 Отчизны безмерно паденье.
 (В сем мире уж большего нет).
 Настанет ее возрожденье,
 И дух твой воспрянет, поэт !

ПОЭТ-ПРОРОК.

(Посвящается памяти М. Ю. Лермонтова)

О ты, великий сын России !
 Поэт-провидец и пророк !
 Ты слышал дальний гул стихии ;
 Ее ты бурю нам предрек.
 Забыто было предсказанье :
 Ему не верил наш народ.
 И вдруг, как Божье наказание,
 Пришел «России черный год».
 Качнулась Русь от бури дикой,
 И от ударов страшных бед ;
 И по лицу страны великой
 Разлился жуткий красный цвет.
 Покрылась кровью алой, чистой
 Земля молитвы и постов ;
 И дух растленья, дух нечистый
 Попрал завет святых отцов.
 При шуме мрачного бесчинства
 Коварной воли сатаны
 В защиту братства и единства
 Поднялись вольности сыны.

Чтоб славу светлого былого
И честь, и волю уберечь,
Сыны Казачества седого
На зло подняли смело меч.
Мечом открыли нашу эру
Борьбы за правду и завет,
За чистоту любви, за веру,
За новый родины расцвет.
Борьба не кончена и ныне;
Весь мир охвачен ей теперь...
Но будет загнан в глушь пустыни
Кромешной бездны лютый зверь.

Д Р О З Д О В Ц Ы.

Дроздовцы — гордость русской славы,
Герои сказок давних лет.
В них жили дедов славных нравы,
Горел любви к отчизне свет.

Горел, как вечная лампада,
Пред храмом веры всесвятой
Во дни борьбы со тьмою ада,
Всю Русь окутавшей собой.

На подвиг шли, на смерть и муки,
Как в день праздничный на парад;
Лилися часто марша звуки,
Когда Дроздовский вел отряд.

С улыбкой смерть встречать умели,
Борясь за родину свою.
Про удаль, славу песни пели
И с песней падали в бою...

Прошли тернистыми путями
В борьбе жестокой с красным злом...
О, сколько их легло костями,
За веру, правду, отчий дом!

Им дань любви отдаст отчизна,
Когда свободы час придет,
Когда все козни большевизма
Народный гнев с земли сметет!

ДВА РАНЕННЫХ.

Зыбь снега, резвясь и играя,
Куда то по степи бежит . . .
От раны казак умирая,
Под небом широким лежит.
С ним рядом и конь его верный, —
Подрезал его пулемет, —
Ржет тихо с тоскою безмерной,
Хозяина взором зовет.
Лежит без движения всадник.
Не слышет он зова коня:
В иной мир унесен урядник,
В мир муки, забвенья, огня.
А ветер несется над полем,
Седую пургою метет,
И грустную песню о доле,
О доле казачьей поет;
Казачую быль вспоминает,
Горящую правды огнем . . .
Над воином снег наметает
И верным, ретивым конем:

ОБМАНУТЫЙ.

Ты пошел за приманкою лживой,
За бряцаньем пустых бубенцов,
Не простившись с родимою нивой
И не слыша родной ее зов.
След пошел ты искать синей птицы;
Знал ее лишь по сказке одной.
Жег, громил на пути все станицы,
Сеял пьяного ужаса зной.
Ты искал золотого ягненка
С золотым и пушистым руном.
Вопль и плач ты не слышал ребенка,
Мать когда ты терзал за окном.
За залетным ты счастьем гонялся
По хоромам чужим и углам
И в крови братской пьяным купался,
Растеряв состраданье к слезам . . .

... Огневая надежда опала.
Стих, умолк бубенцов пустых звон...
При дороге Россия лежала...
Горек был умирающей стон!

ТЫ СНОВА СО МНОЮ.

Ты снова явилась ко мне, моя радость,
В видении светлом, ночью порой.
Опять возвратилась беспечная младость,
Опять я был вместе, голубка, с тобой.

Лазурные дали открылись пред нами;
И жизнь нас приветно манила опять;
И также, как прежде, играя мечтами,
Шутила над нами подруг твоих рать.

Улыбкою доброй ты им отвечала
И ярким, как искра, веселым словцом.
От взоров их тайно мне руку пожала
С сияющим счастьем прелестным лицом...

Но быстро мелькнули минуты отрады;
Виденье исчезло, сокрылось во тьме.
А в душу закралась горечь досады,
Сознанье, что все это было во сне.

Л Е Т О.

О, лето! Благословенная пора!
Пора Божественных даров!
Как много светлого добра
Творишь для хижин и дворцов!

Даешь ты щедрою рукой
Свои великие дары.
Туманам отдых над рекой,
Орлам приют в тени горы.

И нам пошлешь свой яркий луч,
Свое тепло, свои дары;
И жизни новой чистый ключ
Откроешь ты в скале горы.

В его живительной воде
Найдем источник новых сил,
И приготовимся к борьбе
За честь поруганных могил.

Р О Ж Д Е С Т В О .

Морозы, морозы, морозы . . .

И снег неподвижный кругом.

Оделись раскошно березы,

Блестят и горят серебром.

Все убрано дивной рукою

В узоры из звезд, хрустала;

Топазы летят над рекою,

В сиянии ярком земля.

«Земля приготовилась пышно
Ко встрече Божественных дней» —

Снежинки поют еле слышно,

Играя со светом лучей.

«А люди? О, бедные люди!

Как много страдают они!

Стеснены тоскою их груди,

Как в давние Ирода дни.

Как в годы тирана слепого

Лишь тайно придут ко Христу,

И с чувством горенья святого

Они припадут ко кресту.

Откроют Христу свое сердце,

Видавшее власть сатаны,

Жестокость гонений безверца,

И гибель родимой страны . . .

Душой, обновленную Богом,

Прославят они Рождество,

Предстанут пред горним чертогом,

Где правды святой торжество».

ОДНА ОСТАЛАСЬ В МИРЕ Я.

Убит мой сын . . . Уж нет его . . .

Погибли все мои друзья . . .

Нет близких больше никого! . . .

Одна осталась в мире я . . .

Как тень ненужная теперь

Брожу среди живых людей;

И чувство тяжести потерь

Всегда живет в груди моей . . .

Тяжел российской смуты вал

И помрачения сердец! . . .

В борьбе с безумством муж мой пал,
И сын боролся, как отец...
... Мне больше жизнь уж не нужна;
Я стала лишней для людей.
Но жить я буду, я должна!...
Должна нести я бремя дней!...
Я буду подвигом молитв
Служить стране моей родной
И тем, кто пал на поле битв
За честь отчизны дорогой.

КАЗАКАМ - КАЛМЫКАМ.

Вы ушли' от гонений тиранов
Под защиту казачьих свобод,
Когда власть раздиралася ханов,
Распадался Батыев народ.
На Дону вы украсились волей
И любовью за правду стоять;
Обручилась с казачью долей
Удальцов ваших смелая рать.
Вы опасность, труды и походы
Разделяли с казачьей семьей,
И в тревожные русские годы
Вы боролись с черной судьбой.
Поднялася из бездны стихия
Человеческих злобных страстей,
И косматые тучи лихие
Понависли над ширью степей.
Вы не впали в соблазн и смущенье
Под напором стихийной беды;
Боевое приняли крещение,
Власть отринув советской звезды.
Вы вплетали в венок общей славы
Из задонья степные цветы
И душистые, нежные травы
При сияньи горячей мечты.
Вы прошли путь страданий кровавый,
Путь борьбы за завет вековой,
И украсили новою славой
Честь казачьей семьи боевой!

ЗАТИХ НАШ РОДОВОЙ СЕМЕЙНЫЙ ДОМ.

Замкнулся круг страданий предо мной,
И чаша горя выпита до дна!
Последний сын погиб теперь весной.
На свете я осталася одна.

Затих наш родовой семейный дом.
Угасла жизнь, в нем бившая ключом.
Погибли все за честь, за тихий Дон
В борьбе неравной с красным палачом.

Погибли братья, муж и сыновья
В борьбе с врагом и Бога, и людей.
Теперь мне стала тягостной земля.
Безмерно тяжко бремя черных дней...

Глядят со стен портреты лиц родных,
Ведут беседу тихую со мной
О прошлом счастье, годах роковых,
Постигших жутко Русь и край родной.

Родные дети!... Зовут меня они
Туда, где мир далекий, мир иной.
Там вечно яркие горят огни,
Огни добра и жизни неземной.

РОЖДЕСТВЕНСКАЯ НОЧЬ.

Дорогой глухою, дорогою русской
Рождественской ночью старушка бредет
В старинной шубенке, изношенной, узкой.
А вьюга бушует, сугробы метет.

Не видит старушка суровой метели,
Не слышет, как холод сжигает ей грудь,
Как грустно шумят величавые ели...
Ей хочется только присесть, отдохнуть.

Она опустила на крыльях забвенья
На снежный покров под столетней сосной,
И слышит вдруг звуки далекого пенья
Красы несказанной, красоты неземной.

Все громче, яснее становится пенье
Над вольным простором лесов и лугов.
То ангелы славят Христово Рожденье
В краях первобытных стихийных снегов.

И в саванах белых, из снега сотканых,
На девственной стоя сибирской земле,
С усердием молятся сонмы изгнанных,
Замученных зверем, сидящим в Кремле...

Унялася вьюга в сибирских просторах;
Умчались ветры к себе на покой.
На лике старушки, на снежных узорах
Сияло величие правды святой.

БОЛЬШЕВИСТСКАЯ МЕСТЬ.

— Быстрее, ребята, готовьтесь к бою!
Столетняя ведьма вон снова идет!
Согнулась по-пояс кривою дугою,
Своей головою седою трясет!

Иссохшие губы бормочут молитвы.
О детях все плачут слепые глаза!
С ее сыновьями имели мы битвы,
Когда разразилась марксизма гроза.

Ее мы оставили вам для потехи,
Забавы веселой и резвой игры.
Берите же камни, все ваши доспехи
И встретьте ее у Зеленой горы!

Смотрите без промаху бейте, ребята!
Старайтесь в горбатую спину попасть!
Пусть знает буржуйка, жена адвоката,
Как силен народ и советская власть!

... Убитая горем и тяжелой нуждою
Невинная жертва безумья людей
Грибы собирает под близкой горою,
Мечтает о счастье умчавшихся дней.

И вдруг перед женщиной старой, убогой
Со свистом свинцовый брусочек упал.
Наполнилось сердце тоскою, тревогой:
Познало к жестоким мученьям сигнал.

— О, Боже, опять на меня нападенье
Испорченных властью несчастных ребят!
Прости им, Предвечный, все их прегрешенья!
Не знают бедняжки чью волю творят...

Неслася молитва зеленой долиной,
Чрез горы, где царствуют вечные мхи

К Тому, Кто был встречен святой Магдалиной
По смерти невиной за наши грехи.

Услышал Господь милосердный моленью.
Избавил старушку от тягостных мук.
Послал ей мгновенную смерть для спасенья
От детских, но кровью обогранных рук.

ДА, МОИ ПЕСНИ ПЕЧАЛЬНЫ...

— Ветер привольный, широкий, могучий,
Что ты так жалобно песни поешь?

Иль позабыт ты небесною тучей,
Или же страшные беды ты ждешь?

Разве не весь мир открыт пред тобою?
Или же крыльев ослаб смелый взмах?

Или неласково принят горою?

Дружбы не встретил в зеленых кустах?

— Да, мои песни печальны, унылы;
Льются над степью со жгучей тоской:

Вижу как борются белые силы

С красной коммуной — жестокой Москвой.

Борется стойко со злобною силой
Смелый народ удалых храбрецов.

Честь защищают отчизны любимой,

Вольный простор колыбели отцов.

Гибнут герои, как рыцари долга.

Славы, почета не ищут себе.

Дон только знает, да матушка Волга,

Как умирают в неравной борьбе.

МНОГОЕ - МНОГОЕ БУДЕТ ЗАБЫТО.

Хутор родимый. Казачьи усадьбы.

Речка степная. Весенний разлив.

Время досуга. Веселые свадьбы.

Яркий наряд созревающих нив.

Песни сердечные. Смех в хороводах.

Игры, кулачки и проводы в полк.

Зимняя вьюга. Рассказ о походах,

Долгий о подвигах доблестных толк.

С неиз'яснимою прелестью быта
В сердце вы слились давно, навсегда!
Многое-многое будет забыто,
Край же родной никогда, никогда!

КОЛЫБЕЛЬНАЯ ПЕСНЬ.

Спи, мой мальчик милый, славный
Грезы сладкие храня.
Придет время, мой желанный,
Сядешь на коня;

И в опасный путь, далекий
Верен чести казаков,
Ты пойдешь, мой ясноокий,
Укрощать врагов.

И в сечи под вой гранатный,
Песням пули не внемля,
На коне помчишься статный —
Задрожит земля!

Ты за правду будешь биться,
За казачью быль,
Что в груди твоей хранится,
Что времен покрыла пыль...

Слава Дона возродится
Из крови, страданий, слез...
Ах!.. тебе еще не спится
Взор твой полон грез!

Повернись... зажмурь же глазки
И усни скорей!
Моя песни, мои сказки
Завтра будут веселей.

НЕ МЕРКНЕТ УШЕДШИХ ЛИШЬ СВЕТЛАЯ СЛАВА.

Мелькают пред нами и годы и лица.
Бродяга, вельможа, богач и бедняк—
За всеми спешит дверь могилы закрыться;
Все тает, как искра летящая в мрак.

Не меркнет ушедших лишь светлая слава
 Да подвиг и жертвы во имя добра.
 Не может покрыть их забвения лава,
 Пустого тщеславья пустая гора.

Сияет, как солнце, достойное дело
 Над временем зыбким в далеких веках.
 За правду бороться зовет оно смело
 И кротость святую хранить на устах...

Не может не слышать правдивое сердце
 Призыв благородный из дали времен
 К походу на думы и мысли безверца,
 К защите отцовских священных знамен!

ЧАС ПРОБЬЕТ!..

Мы не будем с тобой унывать,
 Друг мой верный, соратник и брат!
 Час придет — наша родина мать
 Вновь услышит призывный набат:

Постоять за ее красоту,
 За приветливый, ласковый взгляд,
 За раздолье, размах, широту,
 За богатый и пышный наряд!

Час пробьет и услышит она
 Гимн свободы, величия вновь!
 Песнь полетится, как Дона волна!
 Закипит возрожденьем обновленная кровь!

ДЕВИЧЬЕ ПРОЩАНЬЕ.

(Посвящаю дочери своей Татьяне)

Что же, подруженьки, вы приуныли,
 Спутницы детства и радостных лет?
 Спойте-ка песни про давние были,
 Матушкин-батюшкин ласковый свет!

Спойте про девичью радость и волю,
 Про голубые, как небо, цветы,
 Про горемычную женскую долю....
 Спойте, как девичьи вянут мечты!...

Скоро расстанусь я, милые, с вами,
 С кровом родимым и лаской его:

К дому проложена стезжка сватами,
За-муж велят выходить за него.
Будто богат он и статен собою,
Только умом не совсем он богат;
В этом обойден коварной судьбою —
Честно сознался безхитростный сват...
Воле отцовской — перечить не смею:
Воля отцовская — крепкий закон.
Так передайте Донскову Матвею...
Пусть обо мне не печалится он.
Тут залилася невеста слезами.
Скорбные стоны рвались из души...
Девичьи песни неслись над садами
Лунною ночью средь майской тиши...
В душу они глубоко западали
Тех, кто их слышел в полуночный час...
Девичьи песни, песни печали,
Сколько тоски, сколько прелести в вас!

ПЕСНИ ПЕТЬ НЕ УСТАНУ...

Песни петь никогда не устану
Про родимую степь и реку;
Уноситься к былинному стану,
К сыну царских свобод — казаку!
Не устану молиться о павших
За пороги отчизны моей,
За заветы казачьи наши,
За сияние правды лучей!...
Лихолетья пройдут роковые.
Цепь безбожной коммуны падет!
Храмы вновь оживут вековые!
Солнце правды над миром взойдет!
Возродятся казачьи станицы!
Разбросают вишневый наряд!
Поведут хороводы девицы,
Обжигая сердца казачат!

Т И Н А.

Злобы раскаты, мести свирепость
Плотно окутали бег наших лет.

Буйно ветвится ложь и нелепость...
 Пестрым обманом украсился свет.
 Тьма, полумрак и сырь непогоды
 Шатких понятий, безумных идей...
 Кружатся вихрем быстрые годы...
 Тина хоронит следы наших дней.
 Но не поглотит липкая тина
 Правды извечной извечную быль!
 Нет, не исчезнет дел добрых картина!
 Подвиг не скроет безвременья пыль!

НАД ПРОПАСТЬЮ.

(Посвящаю своей жене)

— Кто там в ущелии стонет глубоко,
 Грудь надрывает печалью, тоской?
 Кто вспоминает о прошлом далеком?
 Кто расстается со степью донской?

Чья там, на дне этой пропасти страшной,
 Жизнь догорает, как в храме свеча?...
 ...Тихо... Спускася тропкою опасной
 В бездну, где светится отблеск луча...

Вьется по скату тропинка змеєю;
 Гуще и гуще становится тень.
 Бездна покрылася темной фатою.
 Скрылся от взоров мерцающий день.

Вот долетает до острого слуха
 Женщины, тихо скользящей во тьме:
 — Стой, если ты не видение духа!
 Или сорвешься, погибнешь на дне!...

Стой, и вернися в станицу родную,
 К свету, сиянью расцветшей весны!...
 Пусть там запомнят, что в пропасть глухую
 Сброшены были отчизны сыны...

Голос прервался и замер в ущельи.
 Так замирает последний аккорд...
 Тесно казачке, как в узенькой келье;
 Дух ее смелый и ясен, и тверд.

Вдруг над зиянием пропасти вечной
 Нежное пенье раздалось во тьме.

Пенье о жизни, как свет, бесконечной;
Пенье о смерти, как временном сне.

Б Е Л Ы Е.

Мы белогвардейцы; мы белые;
И кличка нам эта врагами дана.
Идем мы на подвиги смелые;
Их требует наша родная страна.
Мы белые, белобандиты;
Так черная злоба нас бранно зовет.
Идем мы на смерть для защиты
Народа, толпа же за нами проклятия шлет.
С тоскою и острою болью
Идем мы на подвиг последний, святой.
Мы смоем позор своей кровью
С отчизны любимой, отчизны родной.
А годы пройдут помутненья.
Развеется правдою красный туман.
Помянут добром поколенья
Нас, воинов белых, наш жертвенный стан.

* * *

Песни мои, как слезы грусны —
Детище музы в скорбной фате,
Нежны аккорды тихой струны;
Служат они одной красоте.

Пусть застилает небо туман.
Весь горизонт пусть мраком покрыт.
Свет все же есть; он Богом нам дан;
Он освещает праведных скит.

Им озарится наша страна
В час обновленья верой сердец.
Снова воскреснет к жизни она;
Ярко заблещет славы венец!

СОДЕРЖАНИЕ I-ой КНИГИ.

	Стр.
I. Знаки походов	I
II. Предисловие	II — VI
1. Эх ты, долюшка казачья	1
2. Еще длинна моя дорога	3
3. Яркие звезды над землею	3
4. Долгих годов вереницы	6
5. Труден наш изгнанья путь	6
6. Много-много лет в чужбине	7
7. Эх, чужбина, ты чужбина	9
8. Всем свобода	10
9. Широко пред нами водный путь	11
10. Родимый край степной	12
11. Солнце так нигде не греет	12
12. Эх, набраться б снова силы	13
13. Мечты	14
14. Дубравушка	15
15. Седовласый старичок	17
16. В легкой дымке серого тумана	18
17. Без тебя не жду от жизни радость	19
18. Поле наше, поле	20
19. Одинокий крест	21
20. Среди песков сыпучих	22
21. Кругом все белая пустыня	24
22. Осень	25
23. Себя мы обрекли	25
24. Нас чернь безумная клянет	26
25. Чей ты, мальчик черноокий	27
26. Благословение	28
27. Нам не надо славы громкой	32
28. С ней расставался на время	33
29. Терзанье	34
30. Здравствуй, степь моя донская	35
31. Эй, головушка седая	36
32. Закружилось вихрем время	37

33.	Сирота	38
34.	Скураты	39
35.	Правды придет светлый миг	39
36.	Волшебница темная ночь	40
37.	Весеннюю полой водою	40
38.	Годы, мелькая, бегут за годами	41
39.	Вернется счастье	41
40.	Среди степных цветов душистых	42
41.	С значением ты мне подарила цветок	42
42.	Блеснули, как зорьки, ушедшие годы	43
43.	Новое изгнанье	43
44.	Благословенная Канада	44
45.	Исполнь святое назначенье	44
46.	Привет	45
47.	Грезы	46
48.	Родные напевы	46
49.	На свете есть слово, прекрасное слово	47
50.	Поднялись волны на Дону	47
51.	Христос Воскресе	48
52.	Прощанье	48
53.	Разлука	49
54.	Белые степи	50
55.	Не для меня теперь радость	50
56.	Промчались годы	51
57.	Рыцарь	52
58.	Под покровом ночи	53
59.	Реченка степная	54
60.	Дворцовый выстрел	55
61.	Встреча нового года	56
62.	Казак	56
63.	Мы встретились снова	57
64.	Великопостное служенье	58
65.	Крестный ход полями	59
66.	Вашингтон	60
67.	Ты теперь изгнанник	60
68.	Затихни лес	61
69.	В изгнанье	62
70.	Корниловцам	63
71.	Не к лицу унынье	63
72.	Атаман Назаров	64
73.	Невозвратное	65
74.	Прощай	66
75.	Очи	67

76.	Былое величье	68
77.	Девичьи взоры	68
78.	День Покрова	69
79.	Наш девиз	69
80.	Степной поход	70
81.	С стоном и плачем кружились метели	70
82.	Ты ушел	71
83.	Искусства бессмертны огни	71
84.	Поэт-пророк	72
85.	Дроздовцы	73
86.	Два раненых	74
87.	Обманутый	74
88.	Ты снова со мною	75
89.	Лето	75
90.	Рождество	76
91.	Одна осталась в мире я	76
92.	Казакам-Калмыкам	77
93.	Затих наш родовой семейный дом	78
94.	Рождественская ночь	78
95.	Большевицкая месть	79
96.	Да, мои песни печальны	80
97.	Многое-многое будет забыто	80
98.	Колыбельная песнь	81
99.	Не меркнет ушедших лишь светлая слава	81
100.	Час пробьет	82
101.	Девичье прощанье	82
102.	Песни петь не устану	83
103.	Тина	83
104.	Над пропастью	84
105.	Белые	85
106.	Песни мои, как слезы грустны	85

